

Российская
академия наук

Институт
славяноведения

**Межфразовые
связи :
кодирование и
декодирование**

Москва 2000

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

**МЕЖФРАЗОВЫЕ СВЯЗИ:
КОДИРОВАНИЕ И ДЕКОДИРОВАНИЕ**

Москва
2000

В сборнике публикуются статьи российских и зарубежных лингвистов по проблеме кодирования и декодирования межфразовых связей. Данные статьи представляют собой расширенные и переработанные доклады, сделанные 1 февраля 2000 г. на Круглом столе "Межфразовые связи: кодирование и декодирование" в Институте славяноведения РАН. Исследования И. И. Фужерон, Т. М. Николаевой, В. С. Ефимовой, Р. Ф. Касаткиной и Л. Л. Касаткина выполнены в рамках работ по проекту сотрудничества Национального Центра научных исследований Франции (С.N.R.S.) с Российской академией наук (проект № 8877 «Дискурсивная стратегия и интонация: механизмы декодирования внутри- и межфразовых связей»).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

канд. филол. наук В. С. ЕФИМОВА (ответственный редактор),
член-корреспондент РАН Т. М. НИКОЛАЕВА,
профессор И. И. ФУЖЕРОН (Франция)

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

доктор филологических наук В. А. ВИНОГРАДОВ,
кандидат филологических наук Н. Н. ЗАПОЛЬСКАЯ

ISBN 5-7576-0111-6

© Институт славяноведения
РАН, 2000

**Внутрифразовые и межфразовые связи
в свете теории С. И. Карцевского**

В 1956 году в Женеве вышел 14-ый выпуск лингвистического журнала «Cahiers Ferdinand de Saussure», посвященный памяти Сергея Иосифовича Карцевского, скончавшегося 7 ноября 1955 года.

В наши дни не все знают, что Карцевский был одним из трех лингвистов (с Н. С. Трубецким и Р. О. Якобсоном), подписавших манифест, который послужил основой для создания Пражского лингвистического кружка, и его имя оказывается незаслуженно забыто.

Для начала несколько биографических данных. С. И. Карцевский родился 28 августа 1884 года в Тобольске. Получив в 1903 году диплом учителя, он работает два года учителем начальной школы в Нахрачи (Тобольская губерния), а затем директором городской библиотеки в Нижнем Новгороде. Карцевский становится членом социал-революционной партии, и в 1906 в Москве его арестовывают за революционную деятельность. После года заключения Карцевскому удается бежать из тюрьмы, и он уезжает в Женеву, куда уезжало немало русских эмигрантов. В Женеве Карцевский поступает в университет и становится учеником Ф. де Соссюра по курсу санскрита, а по курсу общей лингвистики – учеником Ш. Балли и А. Сэшеэ.

В 1910–1911 гг. С. И. Карцевский пробует себя на литературном поприще: М. Горький предлагает Карцевскому участвовать в журнале «Сборник товарищества Знание», где в 1910 году Карцевский публикует рассказ «Ямкарка»; в 1911 году в № 11 журнала «Новое слово», приложение газеты «Биржевые ведомости», напечатан рассказ Карцевского «Колька», за который он получает премию журнала.

В марте 1917 года Карцевский возвращается в Россию. С этого момента, можно считать, начинается его активная лингвистическая деятельность. В феврале и в мае 1918 года на заседаниях Московского лингвистического кружка при Московской Диалектологической Комиссии Академии Наук С. И. Карцевский делает доклад, который,

как сказано в протоколе заседания, «представлял из себя резюме некоторых глав работы докладчика, написанной на французском языке и озаглавленной «*Système du verbe russe*». В обсуждении принимают участие крупнейшие русские языковеды: Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново, А. М. Пешковский, А. А. Буслаев и др. Д. Н. Ушаков высоко оценил этот «опыт истинно лингвистического изучения морфологии русского языка». Он отметил, что в области морфологии опыт С. И. Карцевского «если не первый, то один из первых опытов *статического* изучения (изучения одного этапа в жизни русского языка)»¹. Доклад и обсуждение его – один из этапов работы Карцевского над его докторской диссертацией, которую он будет защищать в Женеве, так как в 1920 году Карцевский навсегда покидает Россию.

После двухлетнего пребывания в Страсбурге, где Карцевский занимает место лектора в университете и продолжает работу над диссертацией, он переезжает в Прагу. Здесь Карцевский создает и редактирует журнал «Русская школа за рубежом», где наряду с методологическими статьями публикует статьи лингвистического плана. Особо следует остановиться на вышедшей в 1925 году статье «О формально-грамматическом направлении», где Карцевский предупреждает об опасности догматического подхода к формально-грамматическому направлению в преподавании русского языка. Нельзя расправляться с живым языком, загоняя его в узкие рамки формы. Карцевский ставит в упрек сторонникам формально-грамматического направления использование терминов без уточнения их значения, не оговаривая, в каких отношениях обозначаемые явления находятся друг с другом. Противопоставляя формалистам свой взгляд на вещи, Карцевский определяет *слово* «как потенциальный член фразы, как бы часть, выпавшую из фразового механизма». Эта статья интересна и тем, что здесь Карцевский впервые высказывает мысль об асимметрическом дуализме лингвистического знака². Карцевский считает, что слово может иметь несколько значений: так, *кобыла* – это самка лошади, спортивный снаряд, орудие пытки. Слово располагает огромным количеством значений от метафоры до омонима. С другой

---

¹ Цитируется по протоколу заседания Московской Диалектологической Комиссии (Архив Института Русского языка, фонд № 20), см. [Карцевский 2000: 331].

² Статья под этим заглавием появится через четыре года, в 1929 г., в первом номере «Трудов Пражского лингвистического кружка».

стороны, одно значение может быть выражено различными определяющими: например, для выражения доблести есть бесстрашие, отвага, смелость, храбрость. Точно так же приказ, просьба или другое волеизъявление может быть выражено различными формами: *Молчать, В угол, Книгу, Извозчика, Вон, Долой, Сюда*. А с другой стороны, императив может быть использован для совершенно иных целей, чем приказ: *Муж уехал, а жена и умри. Я работай, а он на печи лежит*. Таким образом, императив с одной стороны входит в синонимический ряд для выражения приказа, а с другой стороны касается омонимического ряда. Где-то посередине форма и значение представляются адекватными. «Таким трехчленным должно, по-видимому, быть строение каждой языковой формы», – пишет Карцевский [Карцевский 1925: 60]³.

В этой статье Карцевский впервые излагает мысли, которые нашли свое развитие в других работах, в частности в изданной на русском языке в том же году в Праге «Грамматике». В предисловии Карцевский еще раз подчеркивает, что он не сторонник формально-грамматического направления, что он идет по пути Ф. де Соссюра, Ш. Балли, А. Сэшеэ и А. А. Шахматова⁴. Карцевский определял трудность статического (синхронического) изучения тем, что «оно предполагает в изучающем знание и истории, чтобы не отклониться в историческое изучение вопроса для объяснения фактов современного состояния языка». В русском языкознании в этом направлении предшественников у автора не было, а труды представителей Женевской лингвистической школы, которая закладывала основы этого метода, еще не были известны в России.

«Грамматика» легла в основу «Повторительного курса русского языка», вышедшего в Москве в 1928 г. Эта книга завершает первый период работы Карцевского, период, когда он писал на русском языке. Мы не будем подробно останавливаться на этой работе, так как она вышла в переиздании и стала вполне доступной [Карцевский 2000: 97–204]. Остановимся лишь на некоторых положениях, которые с одной стороны являются опорными пунктами лингвистических воззрений Карцевского, а с другой непосредственно касаются нашей темы.

---

³ Статья переиздана в книге трудов С. И. Карцевского на русском языке [Карцевский 2000: 40].

⁴ В 1927 г. в журнале «Slavia» Карцевский печатает положительную рецензию на «Синтаксис современного русского языка» А. А. Шахматова, см. [Карцевский 2000: 306–318].

После изложения общелингвистических вопросов Карцевский переходит к построению фразы и относит вопросы фонетики в самый конец курса, считая, что «звуковая различительная единица – фонема – является дифференциальным знаком последней степени. <...> Он уводит из языка в физиологию звуков и акустику» [Карцевский 1928: 7–8 = Карцевский 2000: 103]. Карцевский как бы отмежевывается от Н. С. Трубецкого и Р. О. Якобсона, оставляя им фонологию и фонетику и концентрируя свое внимание на морфологии. В статье «По поводу одного вопроса морфологии» Карцевский пишет: «Князь Н. С. Трубецкой и Р. И. Якобсон показали крайнюю сложность понятия *фонемы* как переплетения отношений регулирующих “жизнь” звуковой стороны языка. Но насколько же сложнее понятие *морфемы* если рассматривать его в динамике» [Karcevski 1932: 91]⁵. Краеугольным камнем лингвистики Карцевский считает *фразу*. С понятием фразы и ее функционированием неразрывно связана *интонация*. Карцевский считает бесспорной заслугой Пешковского его наблюдения над интонацией фразы и ее частей. Он постоянно уделяет большое внимание интонации. И даже если с точки зрения сегодняшних достижений в области исследований ударения, интонации и акцентуации фразы замечания Карцевского не всегда соответствуют истине (например, его замечания о том, что русское словесное ударение выражается интенсивностью, или что фразовое ударение произносится с наибольшей силой [Карцевский 1928: 13 = Карцевский 2000: 107]), его безусловной заслугой является сама постановка этих вопросов и попытка их разрешения.

Начало 30-х годов отмечены глубоким интересом Карцевского к проблеме фразы и предложения. В 1931 году в № 4 *TCLP* выходит его статья «Sur la phonologie de la phrase» («О фонологии фразы») – важный этап в изучении фразы как коммуникативной единицы, ее функционирования, членения и интонационной реализации.

Карцевский разграничивает фразу и предложение. Последнее – это лишь грамматическая структура. Фраза может не иметь ее. По мнению Карцевского, «фраза не имеет ничего общего с грамматикой. <...> Это актуализованная единица сообщения. <...> Она имеет свою особую звуковую структуру – это её интонация. Именно интонация делает фразу» [Karcevski 1931: 188–227 = Karcevski 2000: 87–124].

---

⁵ Статья переиздана в книге трудов С. И. Карцевского на французском языке [Karcevski 2000: 77] и в нашем переводе на русский [Карцевский 2000: 52].

Мысли об отличии фразы от предложения Карцевский развивает и в статье 1937 года «Phrase et proposition» («Фраза и предложение») [Karcevski 1937: 58–66 = Karcevski 2000: 127–134] и в статье «Sur la parataxe et la syntaxe en russe» («О паратаксисе и синтаксисе русского языка») [Karcevski 1948: 33–38 = Karcevski 2000: 239–243]. Фраза есть функция диалога. Даже внутренняя речь, по мнению автора, диалогизирована. Основываясь на принципе асимметрической двойственности, Карцевский показывает, что фраза асимметрична предложению, хотя и скрещивается с ним, образуя лингвистический знак, который может быть и фразой и предложением. В одном случае перед нами синонимичный ряд — разные синтаксические структуры могут иметь одно фразовое значение: *Молчи! Молчать! Молчание!*

В другом случае одна и та же по грамматическому оформлению единица, наделенная разными типами интонации, может быть выражением разных фраз: *Он здесь. Он здесь? Он здесь!*

В статье «Sur la phonologie de la phrase» Карцевский дает последовательное описание релевантных элементов интонации русской фразы и ее функций. С просодической точки зрения фраза это напряжение, распределенное на одной линии. Это напряжение может быть лишь *однонаправленным*, так как прогрессивный характер интонации не позволяет возвращения назад.

Еще один вопрос затрагивает Карцевский в этой статье: проблема сложной фразы, ее структуры и отношений между ее частями.

Продолжая свою мысль о том, что фраза это функция диалога, Карцевский устанавливает зависимость между типом связи частей в сложной фразе и формой диалога. Диалог, построенный на вопросно-ответной системе, лежит в основе подчинения; диалог, состоящий из реплик, которыми обмениваются собеседники, является базой, на которой возникает сочинение.

В конце 30-х — начале 40-х годов Карцевский пишет ряд работ о сложной фразе. Он считает, что коррелятом подчинения является не сочинение, а бессоюзие, которое, по его мнению, возникло в языке прежде всего. Подчинение можно рассматривать как эксплицитное выражение отношений, заложенных в бессоюзной фразе. Следовательно, бессоюзие и подчинение составляют синонимичный ряд, а бессоюзие и сочинение строят омонимичный ряд [Karcevski 1956: 36–52]. Эти идеи получают свое развитие в работе, датированной

1942 годом, «Asyndète et subordination» («Бессоюзие и подчинение в русском языке»)⁶.

По мнению Карцевского бессоюзие может быть трех типов:

■ первое высказывание представляется как законченно-организованная структура, второе, совершенно новое, прибавляется к первому; говорящий, начиная первую предикацию, еще не думает о второй; связи между двумя предикациями слабые, речь идет об *открытой структуре*;

фонологическая характеристика этого типа – каденция в середине фразы: *Стоит изба – плетнём огорожена*.

■ второе высказывание задумано говорящим в самом начале его речи, вторая предикация предсказывается первой; это *закрытая структура*, ее фонологическая характеристика – наличие антикаденции между двумя предикациями: *Волков бояться – в лес не ходить*.

Два первых типа противопоставляются друг другу как структура прогрессивная (AZ) структуре регрессивной (ZA); в структуре (AZ) главное заключено в первой предикации, в структуре (ZA) основной является конечная предикация. Третий тип – нейтральный, его части могут свободно подвергаться перестановке: «Я завтра должен уехать», – сказал мне брат.

Систему связи частей сложноподчиненного предложения Карцевский разрабатывает в ряде статей. Наиболее полно, может быть, это изложено в работе «Deux propositions dans une seule phrase», датированной 1/X-40, и в «Asyndète et subordination», редакция сентября 1942 г.

Продолжая свою мысль о том, что фраза это функция диалога, Карцевский устанавливает зависимость между типом связи частей в сложной фразе и формой диалога. Диалог, построенный на вопросно-ответной системе, лежит в основе подчинения; диалог, состоящий из реплик, которыми обмениваются собеседники, является базой, на которой возникает сочинение.

---

⁶ Рукопись статьи «Asyndète et subordination en russe» хранится в архиве С. И. Карцевского в Институте русского языка РАН (фонд № 16, папка 15, подшивка 05, листы 32–43). Статья была впервые опубликована в переводе на русский язык в журнале «Вопросов языкознания» № 2 за 1961 год. Перевод был выполнен Е. А. Иванчиковой, публикация была подготовлена Н. С. Поспеловым. Первая публикация оригинального текста на французском языке предпринята Парижским лингвистическим обществом [Karcevski 2000]. Перевод перенездан [Карцевский 2000].

Связь между главным и придаточным предложениями обеспечивается местоименно-наречной системой: в главном предложении наличие указательного местоимения или наречия (серия *t*: *тот, та, тогда* и т. д.), в придаточном — присутствие относительного местоимения или наречия (серия *k*: *кто, который, когда* и т. д.). Карцевский выделяет три типа подчинения в соответствии с одной из трех возможных формул:

t/k – порядок следования частей нейтральный;

Он поступил *так, как* ему посоветовали.

В этом типе, замечает Карцевский, бывают случаи, когда трудно, если не невозможно, эксплицитировать *t*:

Он хочет ( ), *чтобы* я зашёл к нему.

Мы видели ( ), *что* по городу бегут люди.

k/t – связь между частями наиболее тесная, употребление в эмоциональном контексте⁷;

Каков поп, *таков* и приход. *Сколько* голов, *столько* умов.

-/*k* – отсутствие *t*, аппозитивный характер присоединения второй части;

Я жив здоров, *чего* и вам желаю. Я провёл вечер в гостях, *чего* давно уже со мной не случалось.

Сегодня, кажется уместным задать вопрос, являются ли эти структуры действительно сложноподчиненными?

Как и Пешковский, Карцевский видит отличие подчинения от сочинения в природе операторов связи. Если подчинение базируется на местоименной системе, то сочинительные союзы восходят к восклицанию⁸. Сочинение, по мнению Карцевского, – это внесение в фразу противительных или непротивительных отношений.

В анализе сочинительных связей Карцевский проводит суждение как бы в обратном порядке по сравнению с нашим обычным. Он начинает с разбора восклицаний и приходит к выводу, что примитивные русские гласные восклицания имеют каждое свое

---

⁷ S. Karcevski, «Deux propositions dans une seule phrase» [Karcevski 2000: 195–215], «Sur la parataxe et la syntaxe en russe» [Karcevski 2000: 239–243].

⁸ Этот вопрос разбирается Карцевским в его статьях «Introduction à l'étude de l'interjection», 1941 [Karcevski 2000: 175–194], «De l'exclamation à la conjonction», (рукопись датирована VI–VII 1938) [Karcevski 2000: 137–174], а также в уже цитировавшейся статье «Deux propositions...».

особое значение: *и* — успокоение, *э* — презрение, *а* — удивление, *о* — изумление, *у* — испуг, ужас. После этого автор замечает, что в диалоге специальные слова, удивительно похожие на восклицания, вводят реплики, «привязывая» их одну к другой. Эти слова — *и*, *а*, *но*, *да* — призваны выражать эмоциональное отношение/состояние говорящего, «его психологическую позицию по отношению к собеседнику»⁹. Карцевский называет эти слова в контексте диалога «ключ фразы» (ср. музыкальный ключ), который характеризует *тональность* фразы.

Эти же операторы обеспечивают связь между фразами в речи говорящего, когда собеседник отсутствует, или его присутствие не принимается во внимание. Фразы же следуют друг за другом как реплики диалога. Этот тип контекста Карцевский называет «*zéro de dialogue*», а слова, обеспечивающие связь между фразами, — «внешними союзами», так как они несколько теряют свою эмоциональность и начинают смотреть в сторону союзов.

Только после этого Карцевский переходит к «внутренним союзам», которые передают отношения не между людьми, их волей, а призваны показать связь между двумя идеями, мыслями одного человека, объединенными в одно высказывание. По мнению Карцевского, внешние союзы более или менее эмоциональны, внутренние — более или менее интеллектуальны.

В наших предыдущих работах мы уже имели возможность проанализировать некоторые случаи употребления сочинительных союзов. Правда до сих пор в этом анализе специально не выделялись случаи употребления союзов в качестве *внешних* или *внутренних*. Теперь, если оглянуться назад, на прежние работы, то оказывается довольно любопытная картина. Возьмем, к примеру, союз *а*. Карцевский считает, что он выражает наименьшую оппозицию, просто некоторое различие. Мы отмечали как его доминирующий признак функционирование в сопоставительной конструкции с заложными в ней исключающими связями: $T - R$ а $T' - R'$, что значит $*T' - R$ или $*T - R'$. К этому признаку можно (может быть, иногда с некоторой натяжкой) свести, практически, всякое употребление союза *а*, но не подлежит сомнению, что наиболее полно этот признак сказывается внутри высказывания:

---

⁹ «Deux propositions dans une seule phrase» [Karcevski 2000: 198].

1. До женитьбы они работали с Фёдором на одном заводе, она кладовщицей, а он лекальщиком.

Как только союз *a* выходит за рамки одного высказывания, этот признак осложняется, и осложняется он непосредственным «вмешательством» говорящего, выражением его эмоционального настроя:

2. – А я вам говорю, что через Дон он не пройдёт, что на Дону ему крышка. <..>

– А вы как думаете? <...>

– А почему вы уверены, что на Дону ему крышка? <...>

– А если со стороны Сибири японцы на нас пойдут, что тогда? <...>

– А вот я слышал о парне, которого не хотели <...> в лётную школу принимать, а он всё же добился <...> и вот, рассказывают, погиб <...> .

Перед нами разговор нескольких человек в рамках одной большой темы, где каждый вносит что-то новое, выражая свое мнение и выражая его отнюдь не равнодушно, не отстранено. «А» вводит каждую реплику, обеспечивая с одной стороны связь с предыдущим, а с другой отмечая переход к новому пункту. Попытаемся убрать все «а» в начале реплик: текст теряет свою связность и эмоциональность.

По мнению Карцевского, из двух участников диалога А и Б второй находится всегда в привилегированном положении, так как за ним остается инициатива продолжать или кончить диалог¹⁰. Но несколько позже он пишет: «В диалоге протагонист А “атакующий”, инициатива остаётся за ним. Его партнёру остаётся лишь отвечать на “вызовы”. Протагонисту Б принадлежит только фраза ответ» [Karcevski 1941: 71 = Karcevski 2000: 183].

Иначе говоря, в диалоге инициатива может переходить от одного участника к другому. Вот пример, когда протагонист Б, будучи полностью не согласен с мнением говорящего, перехватывает инициативу и контратакует, вводя свою эмоционально насыщенную реплику

---

¹⁰ Карцевский неоднократно говорит об этом в своих работах, начиная с «*Sur la phonologie de la phrase*» (1931). Может быть, это находит свое отражение и в том факте, что в сложносочиненном предложении, как правило, вторая часть информативно более значима.

союзом *а*. Спор идет о происхождении человека: от обезьяны или создание Бога.

3. Священник: — Вы верите в то, что человек произошёл из обезьяны, вы не видели этой обезьяны <...>, и эта обезьяна ничего вам не сказала на ухо на эту тему...

Противник: — А вам бог сказал на ухо, что он создал человека?... (Ю. С. Семенов, «Семнадцать мгновений весны»).

Собеседник *Б* выступает с фразой, которой он «придает форму» вопроса, но это только форма. Кстати, и интонационно это не настоящий вопрос, а скорее «верификативный», что-то вроде утверждения с оттенком восклицания. На деле это высказывание отрицательное, целью которого является посмеяться над собеседником, повторив часть его аргументации. Полемический характер подчеркивается тем фактом, что собеседники как бы меняются ролями: каждый в свою очередь становится «нападающим».

Очевидно, что каждый раз, как мы имеем дело с полемическим контекстом, противительный характер союза проявляется не теряя своего эмоционального значения.

А вот пример функционирования этого же внешнего союза в монологе, вернее в контексте, который Карцевский называет *zéro de dialogue*, отрывок из повести Б. Окуджавы «Будь здоров школяр»:

4. Я несу командиру полка очень ответственный пакет. <...>

Ночь. А я второй день на передовой. А за невыполнение задания расстрел. А мне восемнадцать лет.

<...> Вот и ходит наш командир от расчета к расчету.

А миномёты стоят в траншеях, в ложбинке. А траншеи вырыты по всем правилам устава. А уставы мы не учим.

Разрыв за разрывом <...> Ближе, ближе... А мимо бегут мои товарищи. А я сижу на снегу... Я виноват...<...> Вот бежит лейтенант Бураков. А мины падают, мины падают.

Здесь фразы следуют одна за другой как реплики одного говорящего, обращенные как бы к самому себе. Как будто объектив передвигается с одной мысли на другую, передвигается чуть беспорядочно, что и сообщает тексту определенную эмоциональную напряженность и целостность. Но опять-таки, если снять «а», исчезает и целостность, и эмоциональность.

Подобного рода рассуждение можно провести, кажется, и по поводу других союзов. Так, например, союз *и о внутренний* наибо-

лее непосредственно и «неосложненно» несет свое значение «ненормального следования»:

5. Помню, лежал я на горячей печи, *но* никак не мог согреться.
(Ф. Шалапин, «Страницы из моей жизни»).

Употребление *но* в начале высказывания, как правило, связано с осложнением значения союза. Карцевский видит в союзе *но* наивысшую степень выражения противительности (оппозиции), и особенно во внешнем союзе. Внешний союз как бы предостерегает собеседника, может быть, об изменении направления повествования, о бесосновательности, непрочности предыдущего рассуждения, говорящий стремится подчеркнуть неожиданность следующего и тем самым выразить свое эмоциональное настроение. Заметим, что часто в этих случаях после «внешнего» *но* говорящий делает паузу (заметим, что во французском языке после *mais* начального тоже часто реализуется пауза).

6. Иногда казалось, что продолжается летнее наступление начала войны: те же номера немецких дивизий, что возникали на картах в прошлом году. *Но* эти немецкие дивизии после прошлогодних боёв сохранили лишь номера и названия, состав их был полностью новый, пришедший из резерва, взамен выбывших, убитых. (В. Гроссман, «За правое дело»).

Еще один отрывок из Гроссмана, где патриотическая и разумная аргументация персонажа сводится на нет комментарием автора и через него выражением его отношения к герою. То есть мы снова в эмоционально не нейтральном тексте:

7. ... вот мы подошли к старости, покидаем жизнь, не мирный сад, а жизнь в огне, война бушует, но я, старуха, по-прежнему так же верю в силу революции, верю в победу над фашизмом, верю в силу тех, кто держит знамя... счастья и свободы. И мне кажется, что Сережа из этой породы. Вот за это я как-то особенно люблю его.

Но дело в том, что любовь Ал. Влад. к внуку была прежде всего безотчётной, не рассуждающей, а следовательно и настоящей любовью.

До сих пор кажется, что все подтверждает мысли Карцевского. Однако может возникнуть вопрос: что реально лежит в основе разделения на внешние союзы и внутренние? Пунктуация? Интонация? Достаточно ли чисто графического представления – знака точки

и заглавной буквы, чтобы считать союз внешним? Вот пример из романа В. Гроссмана «За правое дело». Речь идет о довоенном прошлом Павла Вавилова:

8. Два сезона проработал он на торфе, по три тысячи торфяных кирпичин выбрасывал за день, а пищи было — яичко разомнут на троих, ведро кваса да по кило хлеба, а от комаров на болоте такое гуденье, что дизеля не слышно. А сколько он наформовал кирпича...

Думается, что эти три союза несут здесь одинаковую эмоциональную нагрузку, которая накладывается на его двустороннее значение: элемент связи и разрыва. А графически два из них «внутренние», а один «внешний».

С другой стороны, неоднократно можно встретить абзац, начинающийся с союзов *а* или *но*, но функционирующих как внутренние, и их «графическая внешность», объясняется развернутостью предыдущего или последующего периода текста:

9. <...> Голос у неё был сильный, чистый, хоть и толстоват, назывался альт. Руководитель-то альты больше любил, чем сопрано. Сопрано на заводе сколько угодно, а альтов — раз, два и обчёлся!

А Фёдор солистом на гитаре играл. Так и познакомились.

Дальше — больше. Стал за ней ухаживать.<...>

Если бы не было развернутого описания Анфисы, перед нами было бы обычное внутреннее функционирование союза:

10. Был у них женский хор <...>. Анфиса в том хоре пела, а Фёдор солистом на гитаре играл.

Такого же рода случаи встречаются при употреблении союза *но*:

11. В колхозе Вавилова многие побаивались — очень он был угрюм и молчалив. Но ему верили, и всегда при артельной работе ему поручали получать и хранить деньги <...>.

(В. Гроссман).

В заключение несколько слов о союзе *и*. Карцевский отводит ему особое место, так как из союзов, заимствованных у восклицаний, — это единственный непротивительный союз. Он сигнализирует отсутствие какого-либо разногласия между собеседниками, между репликами. «И» свидетельствует о непрерывности, вернее, однонаправленности взаимоотношений собеседников. Его основное значение — выражение следствия, следования, подытоживания. И в этом он сбли-

жается с народным междометием *и-и*, роль которого – успокоить, создать атмосферу доверия.

Это единственный союз, по словам Карцевского, который может стоять не только в начале предложения, но тогда обязательно перед словом, на которое падает ударение¹¹.

Это последнее обстоятельство требует некоторых замечаний. Думается, что это тот случай, когда в языкознании обычно говорят не о союзе *и*, а о выделительной частице *и*. Нам кажется знаменательным тот факт, что Карцевский их не разграничивает, т. е. считает их одного происхождения. Как функционирует это *и* перед ударным словом?

12. <...> Кое-кто считал его плохим администратором – заберётся в цех и сидит там целый день <...>. Однажды он сам просил, чтобы его перевели с административной работы, но в глубине души обрадовался, когда нарком не внял его ходатайству.

Степан Фёдорович *и в административной работе* находил много интересного и приятного для себя (В. Гроссман).

В данном случае *и* сигнализирует о тождестве. Вместо него можно было бы употребить *тоже*, которое притянуло бы на себя фразовое ударение. «*И*» выполняет роль *тоже*, но остается безударным, и под ударение попадает второй элемент сравнения.

Такое *и* может стоять и в начале предложения, т. е. функционировать как внешний союз. И тогда выражение тождества реализуется как бы в иной тональности: повествование теряет нейтральный характер, говорящий вносит в наррацию свой эмоциональный настрой.

13. Начался второй период тяжёлой битвы <...> новый период со своим изумительным, странным, ни на что не похожим *бытом*. Ведь шли не только часы, дни, недели жизни в этом дымном аду <...> (описание ада). *И здесь* ведущие битву создали свой быт – здесь пьют чай, ... играют на гитаре, следят за жизнью соседей, беседуют. Здесь живут люди...

«*И*» как истинный *témoin de continuité* возвращает к вопросу создания быта. Кроме того через него автор проявляет свое отношение к описываемому, свое восхищение. Следующие два здесь реализуются в уже заданной тональности.

Однажды Карцевский замечает, что, может быть, союз *и* дальше других союзов от значения соответствующих восклицаний. Но мне

---

¹¹ «Deux propositions dans une seule phrase» [Karcevski 2000: 198].

кажется, что это союз, который больше других позволяет говорящему выразить свое отношение к высказываемому.

ЛИТЕРАТУРА

Карцевский 1925: *Карцевский С. И.* О формально-грамматическом направлении // Русская школа за рубежом. Прага, 1925, № 12.

Карцевский 1928: *Карцевский С. И.* Повторительный курс русского языка. М., 1928.

Karcevski 1931: *Karcevski S.* Sur la phonologie de la phrase // Travaux du Cercle linguistique de Prague. 1931. T. IV.

Karcevski 1932: *Karcevski S.* Autour d'un problème de morphologie // Annales Academiae scientiarum Fennicae. Helsinki, 1932. Ser. B. T. XXVII.

Karcevski 1937: *Karcevski S.* Phrase et proposition // Mélanges de linguistique et de philologie offerts à J. van Ginneken à l'occasion du soixantième anniversaire de sa naissance. Paris, 1937.

Karcevski 1941: *Karcevski S.* Introduction à l'étude de l'interjection // Cahiers Ferdinand de Saussure. Genève, 1941. T. I. P. 57–75.

Karcevski 1948: *Karcevski S.* Sur la parataxe et la syntaxe en russe // Cahiers Ferdinand de Saussure. Genève, 1948. T. VII.

Karcevski 1956: *Karcevski S.* Deux propositions dans une seule phrase // Cahiers Ferdinand de Saussure. Genève, 1956. T. XIV.

Karcevski 2000: *Karcevski S.* Inédits et introuvables / Textes rassemblés et établis par I. & G. Fougeron. Paris, 2000.

Карцевский 2000: *Карцевский С. И.* Из лингвистического наследия / Составление, вступительная статья и комментарии И. И. Фужерон. М., 2000.

**Семантика межфразовых связей
и/или грамматика сложного предложения**

I

1. В течение долгого времени лингвистика – сознательно или под давлением метатеоретического прессинга – ориентировалась на выявление одноднзначных отношений: форма/единица грамматической структуры. Идентичность метаописания, выстроенного лингвистами, и той модели, которая соответствует формально-содержательным отношениям в синхронии и последовательности изменений членов той или иной парадигмы в диахронии, практически под сомнение не ставилась. Даже в настоящее время достаточно сложно осознать тот простой факт, что противопоставляемые в системе и в употреблении элементы валоризованы именно так лишь в метатеории, а в речепотреблении носителя языка они, скорее, представлены на подсознательном уровне. Факты такого рода уже вполне признаны, в частности, структурной антропологией К. Леви-Стросса. Несомненно, что носитель *pensée sauvage* не опишет свое поведение и мировоззрение в терминах и наборах признаков: верх-низ, мужской-женский, сырой-вареный, левый-правый и под. Между тем для языкознания мысль об асимметричности языковых моделей описания и реализации языковых элементов (как в синхронии, так и в диахронии) практически всерьез еще не вполне осознана.

Только в последние десятилетия антропоцентристский натиск оказывает все большее давление на гипнотическую распространенность позитивистской таксономии. В ряде работ, например, коммуникативно-дискурсивного направления (см. об этом подробно в [Николаева 1984]), обнаружено, что изменение парадигмы управления (например, винительный падеж или родительный при некоторых русских глаголах) связано со степенью важности объекта для говорящего и отличается по роду и по одушевленности объекта: *Я боюсь скандала* – *Я боюсь Марию Ивановну*; *Я жду жену* – *Я жду письма* и т. д.

2. Все сказанное в течение очень долгого времени относилось и к квалификации отношений между единицами сложного предложения (clause). Эти отношения считались таксономически секуляризованными, равноправными и обладающими своими – для каждого свое – специфическими формальными средствами. То есть отдельно сложно-подчиненные предложения, например, условия, уступительности, причины, времени и проч. Предполагалось также, что, во-первых, бессоюзные предложения могут классифицироваться по той же рубрикации. Во-вторых, предполагалось, что каждый тип сложного предложения имеет свой специфический, ему соответствующий, тип интонации.

В 60-е годы эта априорная установка в большой степени определяла тип исследований об интонационных средствах выражения отношения частей сложного предложения. Как ни странно, точность экспериментальной фонетики в данном случае была не подспорьем, а, скорее, приносила вред, так как смысловые отношения между частями фразы определялись не только типом союза, а целым рядом иных факторов, поэтому выведение средней интонационной модели могло иметь и свою специфику, за которой пряталась гамма более тонких «смыслов», просодическая структура которых тем самым оставалась невыясненной. Популярный сейчас тезис о том, что «дьявол таится в деталях», тогда еще не был распространен. А между тем его можно трактовать так, что, поскольку дьявол принадлежит *иному миру*, то анализ этих деталей может привести к раскрытию иных, по сравнению с усредненными, закономерностей, которые могут оказаться реликтами чего-то уходящего, маргинальными рефлексам какой-то иной системы, представленной в синтаксисе сложного предложения более широко, и т. д.

3. Однако сейчас уже несомненно, что в реальной речи сложные предложения не раскладываются отдельно друг от друга, как разноцветные карандаши на прилавке, а комбинируются в виде разнообразных по семантическому наполнению пучков, соответствующих в формальном плане одной модели. Например (возьмем самые очевидные вещи), комбинируются временные и условные значения: *Когда в товарищах согласья нет*. Известно, что, в частности, в немецком языке здесь представлено и формальное различие: *wenn* – когда придаточное временное с компонентом условия и *als* – когда оно чистое временное. В отечественной традиции в последние годы этим вопросом наиболее фундаментально

занимался В. Б. Евтюхин, сформулировавший нечто вроде теории полей в отношении сложного предложения. Конечно, упоминания о таком семантическом «склеивании» есть во всех «Академических грамматиках», начиная с Грамматики 1954 г., но В. Б. Евтюхиным это подробно разработано и сформулировано в разделе «Обусловленность» в подразделе «Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка» [Евтюхин 1996], где аргументированно доказывается, что все эти синтаксические категории «являются членами одного языкового класса – обусловленности».

Было отмечено также, что содержательно комбинируются уступительные и противительные отношения: *Хотя и пришлось прождать автобус довольно долго, но в целом день прошел чудесно*. Проф. Фужерон исследовала подробно те ситуации, когда синтаксическая структура требует *но* или не требует его. В нашей совместной работе, исследующей возможные содержательные различия в употреблении *хотя* и *хоть* [Николаева, Фужерон 1999], мы отметили, занимаясь уступительностью, смысловые пучки – содержательные комплексы в древнерусском языке (в качестве исходного материала были использованы данные Картоотеки Словаря русского языка XI–XVII вв. Института русского языка РАН). Например, это семантический комплекс «*пусть – если – хотя бы*»: *прибыльнее хлѣбъ ясть, хотя не хочется, нежели словъ лживыхъ слушать; Фрол Скобеев сказал... хотя животь свой утрачу, а от Аннушки не отстану*.

Менее «расширенный» семантический комплекс «*пусть – если*»: *нашъ царь приказался накрепко: кто станетъ хотя царемъ назваться, повелель съсечь его; какъ ни бѣтъ хотя нетъ согласия между ими и другъ друга укоряетъ обаче всѣ согласно заповѣдь магометскую сохраняють; у брата своего у царя я не живу, а хоти коли у него буду, и онъ меня таится, а в князя дѣла ещо со мною не дѣлываль; есть в томъ государствѣ води тепліе, в которыхъ мощно изварити яице без огня и рибу хоть без дровъ и без огня*. и т. д.

Несомненно, что при бессоюзном соединении фраз возникают содержательные пучки еще большей сложности. Например (из современной песни): *На дальней станции сойду – трава по пояс...* Здесь одновременно представлено и временное значение, и условия, и следствия, и места – «там, где...», и, возможно, последовательности действий. См. многозначность в соединении с иконичностью в знаменитой фразе: *Оборачиваюсь – Грушницкий*, которая на самом

деле не такая простая синтаксически. Однако, еще большая многозначность была бы в том случае, если она имела бы вид: *Я обернулся – Грушницкий*. Причина этому – исчезновение абсолютной иконичности при передаче последовательности действий во втором примере.

4. Удивляющим фактом, обнаружившимся при экспериментально-фонетических исследованиях интонации, оказалось то, что наличие/отсутствие союза, как это было замечено, не всегда влияло на изменение интонационной модели, которая, таким образом, определялась чем-то другим, хотя ранее можно было предположить, что наличие/отсутствие союза во многом обеспечивает однозначность/многозначность содержательной структуры. Например, *Завод получил новые заказы, началась война – «когда»..., «едва только»... «потому что»* и так далее. Кажется, что здесь можно вставлять почти все возможные союзы – и либо в первую, либо во вторую часть. Однако, это не всегда так. И бессоюзная структура может быть однозначной. Может быть многозначной и союзная. Например, *Я закричал: испуг был таким сильным; Если Вы навестите меня, я буду рад; Почему жена смеется, он не понимал*.

Кроме того, реальные исследования показали, что в некоторых случаях мы имеем дело не с содержательными «пучками» отношений, но с появлением того, что иногда на отношения внутри сложного предложения накладываются как бы дополнительные смысловые нюансы. Например, таковы подобные «суперсегментные» значения противопоставления, результата, пояснения и т. д. Например, во фразе: *Они считали его ребенком – он все понимал*, это противопоставление и уступительность.

5. Намечающийся пересмотр аксиоматики положений синтаксической теории дает основания для того, чтобы вернуться к экспериментальным данным, полученным автором настоящей статьи около тридцати лет тому назад [Николаева 1969; 1975], и их реинтерпретировать. Более конкретно, речь идет об экспериментально-фонетической проверке широко известного «компенсационного закона» А. М. Пешковского, предположившего, что в бессоюзном предложении мы будем иметь более «яркую» интонацию, чем в соответствующих семантически союзных (или в союзных вообще).

Книга «Интонация сложного предложения в славянских языках» [Николаева 1969] описывает следующий эксперимент. Были взяты сложные предложения со всеми предписанными канонически

союзами и в их пределах сделаны следующие трансформации. Осуществлялась перестановка главного и придаточного: *Если вы навестите меня, я буду рад – Я буду рад, если вы навестите меня*. Производилось опущение союза с такой же последующей перестановкой: *Навестите меня, я буду рад – Я буду рад, навестите меня*. При этом во все трансформированные структуры вставлялись на стыке компонентов сложного предложения разные знаки препинания из следующего набора: запятая, тире, двоеточие и скобки. Все высказывания, полученные таким образом, – как трансформированные, так и исходные, прочитывались тремя дикторами.

Для того, чтобы конкретные акустико-интонационные показатели были сопоставимы, в работе была использована система релятивных показателей, посредством которых выявлялись наиболее типичные интонационные модели реализации двухфразовых единств. Так, в систему были включены три показателя паузы: большая (3), средняя (2) и минимальная (1); три показателя темпа: темп равновесный (1), больше длительность звука в первой синтагме (2), больше длительность звука во второй синтагме (3); три показателя мелодики: в первой синтагме мелодика восходящая (1), в первой нисходящая, но регистры равны (2), в первой нисходящая, а вторая произносится в гораздо более низком регистре (3). При введении такой нумерации получались индексации типа 111, 132, 333, и т. д. Так как эти индексы передавали вид отношений интонационных параметров при передаче частей сложного предложения, то эти индексы и были названы нами тогда интонаемами. При этом существенным лингвистически оказалось то немаловажное следствие, что все прочитанные примеры распределялись по своим показателям не равномерно, а группировались не всегда предсказуемым образом вокруг четырех основных конфигураций. Например. Группа первая. Индекс 111 (то есть: пауза минимальная, темп равновесный, мелодика первой части восходящая). Примеры: *Что касается меня, я согласен; Чтобы сестра могла отдохнуть, я взял девочку к себе; Мне говорили, отец ее уже умер; Мы увидели двор, куда вошла сестра*. Именно эта группа – с индексом 111 – была представлена самым большим числом примеров, и потому в работе она была названа *сходной интоемой*.

Группа вторая. Индекс 211. (То есть она отличается от предыдущей размером паузы.) Примеры: *Хотя времени было много – она не успела собрать вещи; Я не понимал этого – теперь я понял;*

Насколько требовали обстоятельства – он был любезен... (здесь при сохранении предписываемого грамматиками основного синтаксического значения появляется «дополнительное»: сопоставление, противопоставление).

Группа третья. Индекс 313. Интерпретируется как: пауза очень большая, темп ровный, мелодика первой части нисходящая, вторая синтагма расположена ниже по регистру. Примеры: *Я вышел: стало душно; Он ушел незаметно, уйти открыто было нельзя.* Чаше всего в этой группе оказывались бессоюзные межфразовые единства. Возникавшее «дополнительное» значение: важное для коммуниканта пояснение.

Группа четвертая. Индекс 333. Интерпретируется: большая пауза, мелодика первой части понижающаяся, быстрый темп второй части. В материале эта группа в основном была представлена межфразовыми единствами со скобками. Например, *Он был любезен (насколько требовали обстоятельства).*

Итак, полученные данные дали также основания для экспериментально-фонетического пересмотра широко известного положения А. М. Пешковского, обозначенного выше как «компенсационный закон» Пешковского, то есть положение о том, что при опущении союза интонация становится более «яркой», чем при союзе. Наши данные продемонстрировали, что этому закону Пешковского подчинены только темпоральные показатели, но не мелодика.

Таким образом, было сформулировано положение о принципиальной функциональной неоднородности основных составляющих фразовой интонации – так называемых акустических параметров.

Именно это также было написано и в АГ-80, где автор соответствующего раздела Е. А. Брызгунова также – на другом материале – пришла к выводу о том, что мелодика бессоюзных соединений не отличается от мелодики союзных.

В этой же нашей работе [Николаева 1969] было сформулировано и более существенное именно для задач, ставившихся на Круглом столе по межфразовым связям, положение о том, что при чтении примеров – как исходных, так и трансформированных, выбор интонационной реализации предопределяется иерархией трех рядов сегментных показателей, влияющих на диктора. Это – Союзы, Знаки препинания и Лексический состав частей межфразового единства. Они организованы по иерархическому принципу: С > ЗП > Л (то есть Союзы важнее Знаков препинания, а те в свою

очередь важнее Лексического состава). Не менее важным оказалось и то наблюдение, что эти ряды сами неоднородны по своей структуре, а именно: внутри каждого такого ряда сегментных показателей существуют показатели маркированные, например, присоединительный союз – для союзов, скобки – для знаков препинания, лексический состав типа *Стоило ему войти, все притихли* и под. – для лексических корреляций. Таким образом теоретически были обоснованы следующие ситуации: 1) сегментные показатели могут действовать как бы «в одном направлении» и они могут все быть немаркированными – тогда действует указанное выше правило иерархии; 2) они могут создавать разные комбинации маркированного и немаркированного в каждом ряду. Тогда естественным следствием является возможность одинакового интонационного воплощения при разных исходных комбинациях сегментных указателей. Например, *Лес рубят – щепки летят*. Здесь средняя величина паузы диктуется тире, знаком препинания. *Она промолчала, и в этом был упрек* – такая же величина паузы уже диктуется маркированным союзом *и* в присоединительном значении.

II

6. Спустя тридцать лет фактические данные интонационного эксперимента, излагавшиеся выше, по-прежнему могут считаться небезынтесными и новыми, однако их ре-интерпретация может дать дополнительные соображения для обращения к теории межфразовых связей на современном этапе.

Прежде всего, это относится к преувеличенной тогда значимости знаков препинания.

Во-первых, они сейчас для Круглого стола по межфразовым связям не так интересны, поскольку, как это важно понять, они являются по сути такой же, хотя и более упрощенной, «упаковкой», как и интонационные модели. Более важна и интересна теперь нерешенная проблема содержательной сути межфразовых отношений.

Во-вторых. Внутри каждого ряда сегментных показателей более целесообразно говорить о системе шкалированных отношений, а не о биполярной системе: маркированные/немаркированные компоненты смыслового ряда. В связи с этим хочется обратить внимание на устное высказывание В. А. Виноградова, сделанное им осенью 1999 года на Конференции по фонетике и фонологии в Звенигороде о том, что лингвистика перехода к 21 веку – это прежде всего лингвистика шкалирования и градуальности.

В-третьих. Можно высказать предположение, которое, правда, в неочевидной или близкой к очевидной форме высказывалось и ранее, что интонационные параметры не коррелируют напрямую с системой союзов, а выражают некие дополнительные отношения внутри своей системы, которые – в силу особенностей манифестации интонационных данностей – накладываются сложным образом на линейные структуры.

Предложения, состоящие из нескольких фраз, знаменательны тем, что в них есть перерывы – это точки, где кончается одна фраза и ожидается другая. В соответствии с теорией информации, эти точки являются максимально нагруженными информационно, здесь происходит как бы напряжение ожидания, поэтому именно однооднозначная трактовка межфразовых отношений часто является упрощенной.

7. Таким образом, мы приходим к выводу о сосуществовании нескольких систем при интонационной реализации межфразовой связи. Важно понять и еще раз подчеркнуть тот накопленный интонационной эмпирией факт, что при реализации этой связи разные параметры по-разному свободны. Это значит, что в некоторых случаях говорящему предоставляется свобода – как прочтения, так и толкования, в других же структура межфразовых корреляций диктует интонационное воплощение. Таким образом, для говорящего есть как бы три ясно очерченные ступени шкалы: 1) прочесть без выбора (например, в работе 1969 года все единообразно прочли единство: *Вы не хотели его обидеть, я верю*); 2) вторая ступень – внести элемент дополнительной семантики или «второго набора» или не внести: *Он был любезен, насколько требовали обстоятельства*; 3) третья ступень – оформить это непредсказуемыми для экспериментатора семантическими возможностями интонационных параметров. Это шкалированное распределение зон свободного выбора и зон жесткой нагруженности при окончательном воплощении (как письменном, так и устном) речевых фрагментов относится, конечно, не только к межфразовым связям, но вообще к порождению текста любой сложности – равно, как и к интерпретации любых речевых фрагментов.

Итак, нагруженность/нейтральность межфразовой семантики может быть большей или меньшей степени, и ее распознавание определяется гораздо большим числом действующих факторов, чем это обычно предполагается в синтаксической теории.

8. Об одном из таких факторов, как правило, не упоминающихся в теории сложного предложения, скажем ниже. Это – понятие цельности сообщения. Иначе говоря, адресант рассматривает событие в его целостности, не разделяя на части, соответствующие «фразам». Информация о событии как будто «сканируется». Для синтаксической теории существенно то, что цельностью могут обладать и сложные высказывания как целое, так и отдельные его части – фразы.

Приведем некоторые примеры. Так, наименьшей нагруженностью стыка между «фразами» и тем самым наибольшей цельностью обладают союзные высказывания типа *где, куда, что, когда*: *Я не знаю, где эта книга; Говори, что хочешь* и под. Кстати, в ряде языков, например, во французском языке, в подобных случаях запятая перед союзом не ставится.

Гораздо большей семантической нагрузкой «стыка» обладают высказывания, где первая часть имеет общее значение цельности события. Тогда вторая как бы присоединяется к ней, и семантика «стыковки» приобретает разные смысловые оттенки. *Человек со стороны был бы поражен, если бы мог быть такой человек; Ей стало грустно, так как разговор не получился.*

В свете положений о цельности становится очевидным, что те высказывания, которые у меня тогда обозначались и манифестировались через так называемую «исходную» интонемику, то есть высказывания с индексом 111 (пауза минимальная, темп равновесный, мелодика первой части восходящая), можно теперь интерпретировать как высказывания цельные: *Я понял, что был неправ; Мы вошли в подъезд, куда вошла сестра.* Пользуясь языком современного синтаксиса, можно сказать, что сфера сказуемого главного предложения (score) охватывает в своей семантической валентности и придаточное. Вот несколько примеров из АГ-80: *Федя никогда не плакал, зато находило на него временами дикое упрямство; В поэме было точно названо место действия, так что не спутаешь; Тут помереть надо, чтобы забыть такое приключение; Я не беспокоился, хотя к вечеру у нее сделался небольшой жар.*

9. Что происходит на промежуточном этапе, когда все высказывание в целом не является цельным? Именно тогда начинают работать при реализации смысловых межфразовых связей дополнительные системы. О них говорилось выше. Это значения противопоставления, сопоставления, результата и т. д. Почему же мы их называем «дополнительными»? О дополнительной, как кажется,

приходится говорить тогда, когда речь идет о сложноподчиненном предложении и семантике его межфразовой связи. «Основная» связь, по нашему мнению, тогда передается через союз, а дополнительная – через до сих пор еще не сформулированные перечнем корреляции, по всей видимости, лексических составов обеих частей.

10. Однако – и именно это выносится на обсуждение – эти системы, основная и дополнительная, не параллельны между собой, а между ними существуют сближения в определенных точках общего смыслового поля синтаксиса сложного предложения.

Например, придаточные со значением изъяснения, присоединения, следствия в этом отношении неравны придаточным времени, дополнительным и проч. Например, *Она промолчала, что послужило мне укором*. Здесь произошла манифестация «дополнительного» значения в явном виде, и подобные предложения уже по всем правилам таксономического синтаксиса включаются в общий перечень типов сложноподчиненного предложения.

Итак, заключая, я считаю, что можно говорить о трех системах содержательных шкал, реализующихся при манифестации адресантом высказываний, состоящих более, чем из одной фразы. Это: 1) заданные линейным синтаксисом полевые отношения между фразами, которые принято связывать с союзными отношениями, то есть с главными и придаточными предложениями; 2) та смысловая гамма, которая передается интонационными параметрами, главным образом, темпоральными; 3) отношения между событиями, отражаемыми в соединяемых фразах, то есть степень законченности первого или второго событий или же всего сообщаемого события в целом, и налагаемые при этом или не налагаемые дополнительные смыслы.

11. Таким образом, предлагается в исследовании реализации межфразовых отношений понимать, что при «стыковке» двух фраз в единое оформленное целое несомненно есть схождения в семантике этих фраз, но есть и блокирование для их семантического объединения.

То есть мы имеем дело с совокупностью смысловых шкал при разной степени свободы их сочетаемости и реализации.

ЛИТЕРАТУРА

АГ-80: Русская грамматика. М., 1980. Т. 1–2.

Евтюхин 1996: *Евтюхин В. Б.* Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность, Обусловленность. СПб., 1996.

Николаева 1969: *Николаева Т. М.* Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969.

Николаева 1975: *Николаева Т. М.* “Принцип замены” А. М. Пешковского и отдельные компоненты интонации // Вопросы фонетики и обучение произношению. М., 1975.

Николаева 1984: *Николаева Т. М.* Коммуникативно-дискурсивный подход и интерпретация языковой эволюции // Вопросы языкознания. 1984, № 3.

Николаева, Фужерон 1999: *Николаева Т. М., Фужерон И.* Некоторые соображения по поводу категории уступительности // Вопросы языкознания. 1999, № 1.

О союзе **а** в старославянских текстах

В статье «**нѣ** и другие союзы в старославянском» [Ефимова 1997] было показано, что анализ старославянских текстов выявляет бóльшую функциональную близость союзов **а** и **и**, чем союзов **нѣ** и **а**. В разных списках одного и того же текста обнаруживаются «мены» союзов **и** и **а**, но никогда нам не встречалась «мена» союзов **а** и **нѣ**. Такой вывод казался несколько неожиданным, так как по существующей традиции старославянские союзы **нѣ** и **а** квалифицируются прежде всего как «противительные»¹ (и, следовательно, если не синонимичные, то близкие по значению), в то время как основной функцией союза **и** является соединительная.

Наиболее близкими значения союзов **а** и **нѣ** оказываются в условиях так наз. «обманутого ожидания» [Ефимова 1997: 72]. В этих случаях старославянский язык, кажется, должен был бы даже допускать замену – с некоторым изменением смысла высказывания – **а** на **нѣ**. Ср., например, в чтении Mt 22, 8:

ὁ μὲν γάμος ἔτοιμος ἐστίν· οἱ δὲ κεκλημένοι οὐκ ἦσαν ἄξιοι.

– бракъ оубо готовъ естъ . **а** зъванні не бѣша достоинни. Мар, Ас. Видимо, возможно было бы представить себе такую замену: *бракъ оубо готовъ естъ . **нѣ** зъванні не бѣша достоинни. Однако реально нам такого рода «мены» по спискам не встречались.

Определение семантики и места в языковой системе любых старославянских лексем сопряжено с известными трудностями, обусловленными принадлежностью старославянского языка к мертвым языкам. Тем не менее современный исследователь может использовать факт «взаимозаменяемости» союзов **а** и **и** для исследования семантики союза **а** и определения его места в старо-

¹ См., например, [Соколова 1976: 136–138]; ср. также их определение в «Старославянском словаре (по рукописям X–XI вв.)» (далее Словарь 1994), где первым в обоих случаях указано значение «противительный» [Словарь 1994: 63, 384].

славянской системе средств выражения межфразовых связей, так как специфика старославянского письменного наследия обеспечивает нам такую возможность.

Как известно, старославянские тексты представляют собой (за очень малым исключением) переводы с греческих оригиналов. Эти переводы в эпоху существования старославянского языка (т. е. в IX – XI вв.) не являли собой совершенно стабильных текстов. Не только при сознательном редактировании, но и просто при переписывании древние книжники сознательно или бессознательно (или почти бессознательно) вносили в текст изменения. Таким образом, текст древней славянской рукописи несет в себе с этой точки зрения как бы два плана: первый «объективный» – то, что древний книжник брал из протографа (или протографов), и второй «субъективный» – то, что он вносил «от себя», невольно вкладывая каждый раз свое собственное понимание текста, отражая в нем свое собственное языковое чутье.

В кругу классических старославянских рукописей (так наз. рукописей «старославянского канона») имеется ряд текстов, представляющих собой перевод одного и того же произведения. Все четыре Евангелия достаточно хорошо сохранились в старославянских евангельских кодексах – Зографском, Мариинском, Ассеманиевом, Саввиной книге (Ватиканское евангелие нам недоступно по техническим причинам); части гомилий Иоанна Златоуста и Епифания Кипрского содержатся как в Супрасльской рукописи, так и в Клоцовом сборнике. Именно это обстоятельство мы постарались использовать для исследования функций и значения старославянского союза *а*. Результаты наших наблюдений, как кажется, важны для понимания специфики «загадочного» славянского союза *а*.

Общей семантической зоной для основных сочинительных союзов *а*, *нъ* и *и* в старославянском языке является зона, которую обычно называют *смысловой оппозицией* (semantic opposition) ([Lakoff 1971: 133; Карлсон 1986: 279] и др.) и которая включает в себя различного рода сопоставления – простые, контрастные, противопоставления². Наблюдения над употреблением сочинительных союзов в старославянских текстах показывают, что если в таких

---

² В русском языке данная семантическая зона – это сфера употребления союза *а*, союз *но* возможен только на периферии нормы, с особой стилистической окраской.

конструкциях имеется отрицание, то при наличии отрицания в первом компоненте предложения во втором компоненте употребляется **нъ**; при наличии отрицания во втором компоненте – употребляется **а** или **и** (т. е. «не X, **нъ** Y» и «X, **а/и** не Y»).

Союз **нъ** употребляется одинаково по всем спискам. Например:

Mt 9,24:

οὐ γὰρ ἀπέθανεν τὸ κοράσιον, ἀλλὰ καθεύδει

– не оумрѣтъ бо дѣвица **нъ** спитъ. **Нъ** употребляется одинаково во всех евангельских кодексах – Зогр, Мар, Ас, Сав.

Так же и у другого евангелиста – в чтении L 8,52:

нѣсть оумрѣла дѣвица **нъ** спитъ . **Нъ** употребляется одинаково в Зогр, Мар, Ас, Сав³.

С другой стороны, один и тот же греческий текст может быть представлен в старославянских рукописях как с **и**, так и с **а**. Например, текст Слова Иоанна Златоуста на вербное воскресенье сохранился как в Супрасльской рукописи, так и частично в Клоцовой сборнике. Ср., например, употребление союзов в следующем отрывке:

Ἐπιστρέψατε τὰς καρδίας ὑμῶν ἐπὶ τὰ τέκνα ὑμῶν **καὶ** μὴ καμύσατε [μύσητε] τοὺς ὀφθαλμοὺς πρὸς τὴν ἀλήθειαν.

– в Сборнике Клоца союз **и**: обратѣте сръдца ваша къ чадомъ . **и** не съмѣжите очью вашею къ истинѣ . Клоц 1а 4;

– в Супрасльской рукописи союз **а**: обратите сръдца ваша къ чадомъ своимъ . **а** не съмѣжанте очню си противъ истинѣ . Супр 325,8.

Или ср. употребление союзов в чтении Mt 12,35:

ὁ ἀγαθὸς ἄνθρωπος ἐκ τοῦ ἀγαθοῦ θησαυροῦ ἐκβάλλει [τὰ] ἀγαθὰ, **καὶ** ὁ πονηρὸς ἄνθρωπος ἐκ τοῦ πονηροῦ θησαυροῦ ἐκβάλλει [τὰ] πονηρά.

– в Мар и Зогр союз **и**: добры члвкъ отъ добраго съкровишта износитъ добраѣ **и** зълы члвкъ отъ зълааго съкровишта износитъ зълаа . В Саввиной книге, несмотря на лексические замены, сохра-

³ Следует отметить, что то же правило при выборе союзов (т. е. «не X, **нъ** Y» и «X, **а/и** не Y») действует и при употреблении их внутри простого предложения. При этом союз **нъ** так же употребляется одинаково по всем спискам. Ср., например:

In 11,4:

αὕτη ἡ ἀσθένεια οὐκ ἔστιν πρὸς θάνατον ἀλλ' ὑπὲρ τῆς δόξης τοῦ θεοῦ.

– си болѣзнь нѣсть къ смърти **нъ** о славѣ бжн . Мар, Зогр, Ас, Сав.

няется союз и: БЛАГЪ ЧЛКЪ ОТЪ БЛАГА СЪСЖДА ИЗНОСИТЪ БЛАГАА . И
ЛЖКАВЪ ЧЛКЪ . ОТЪ ЛЖКАВА СЪСЖДА ИЗНОСИТЪ ЛЖКАВАА .

– в Ас союз а: ДОВРЪИ ЧЛКЪ Ш ДОВРААГО СЪКРОВИШТА ИЗНОСИТЪ
ДОВРАЪ . А ЗЪЛЪИИ ЧЛКЪ . УТЪ ЗЪЛААГО СЪКРОВИШТА ИЗНОСИТЪ ЗЪЛАА .

Так же и внутри простого предложения наблюдается мена по
спискам союзов и и а. Ср., например:

Mt 7,29:

ἦν γὰρ διδάσκων αὐτοὺς ὡς ἐξουσίαν ἔχων, καὶ οὐχ ὡς οἱ
γραμματεῖς αὐτῶν.

– БЪ БО ОУЧА ЁКО ВЛАСТЬ ИМЪ . І НЕ ЁКО КЪНИЖЪНИЦИ ИХЪ И
ФАРИСЪИ . Мар, Зоґр, Ас;

– БЪ БО ОУЧА ИХЪ . ІАКО ВЛАСТЬ ИМЪ . А НЕ ІАКО КЪНИЖЪНИКЪ . И
ФАРИСЕИ . Сав.

При этом – как при соединении компонентов внутри сложного
предложения, так и внутри простого – союз нъ, как правило,
переводил греческий союз ἀλλά, а союзы а и и переводили греческий
союз καί. К этому типу предложений относится и пример, при-
веденный Т. М. Николаевой на противопоставительный союз и
[Николаева 1997: 8]: Азъ же-смь чръвъ / не члкъ . Син (в греч.:
ἐγὼ δὲ εἶμι σκώληξ καὶ οὐκ ἄνθρωπος Ps 21,7). В таких случаях в
старославянском языке был возможен перевод греч. καί как союзом
и, так и союзом а.

При сопоставлениях, не содержащих отрицания, союз а пере-
водил не только греческий союз καί, но и выделительную частицу с
функциями союза δέ. Ср., например:

в греческом καί:

Θηλάζοντες θεολογοῦσι, καὶ πρεσβύτεροι βλασφημοῦσι,... (из
Слова Иоанна Златоуста на вербное воскресенье)

– СЪШТИИ БОГОСЛОВАТЪ . А СТАРЪЦИ ХОУЛАТЪ . Супр 324,5 (в
Клоц нет текста);

в греческом δέ:

ὁ μὲν γὰρ παραδοθεὶς Ἰησοῦς τὴν οἰκουμένην ἔσωσεν, ὁ δὲ
προδοὺς Ἰούδας τὴν ἑαυτοῦ ψυχὴν ἀπώλεσε. (из Слова Иоанна
Златоуста о предательстве Иуды)

– ПРЪДАНЪИ БО ІС ВЪСЬ МИРЪ СЪПАСЕ А ПРЪДАВЪИ КГО ИУДА
ДОУШЖ СВОЖ ПОГОУБИ . Супр 405,28; Клоц 3б 40;

Τοῦτο (т. е. еврейскую Пасху) μὲν γὰρ αὐτοῖ (т. е. ученики Христа) ἤτοιμασαν, τὸ δὲ ἡμέτερον αὐτὸς παρεσκεύασεν... (из Слова Иоанна Златоуста о предательстве Иуды)

– тж бо ті о҃готоваша . а нашж самъ х҃ъ о҃готова Клоц ба 38; обаче тж о҃во о҃готоваша о҃ченици . а снж нашж самъ о҃струн Супр 416,12.

Греческая частица δέ переводилась и с помощью частицы в функции союза же, при этом также наблюдается мена а и же по спискам в переводе одного и того же греческого текста. Ср., например:

Mt 15,36:

ἔλαβεν τοὺς ἑπτὰ ἄρτους καὶ τοὺς ἰχθῦας... καὶ εἶδου τοῖς μαθηταῖς, οἱ δὲ μαθηταὶ τοῖς ὄχλοις.

– і приѣмъ жѣ (т. е. 'семь') хлѣбъ і рыбѣтъ... і дасть о҃ченикомъ своимъ . о҃ченици же народомъ. Зо҃р, Мар;

– И приѣмъ хлѣбъ и рыбѣж... И дасть о҃ченикомъ своимъ . а о҃ченици народомъ. Ас, Сав.

Таким образом, любой греческий текст мог быть переведен на старославянский без искажения основного смысла высказывания без привлечения союза а: союз нъ переводил греч. ἀλλά, союз и чаще всего соответствовал греч. καὶ, с помощью частицы же в функции союза точно переводилась греческая конструкция с выделительной частицей δέ. Союз а при этом оказывается как бы «лишним», так как в любом случае употребления он мог быть заменен либо союзом и, либо частицей-союзом же (или, скорее, союз а заменял либо союз и, либо частицу-союз же). Тем не менее Словарь 1994 указывает для союза а более 700 употреблений – много по меркам старославянского языка (хотя и несопоставимо меньше, чем количество употреблений союза и, для которого тот же словарь отмечает более 17000 употреблений) [Словарь 1994: 63, 242]. Это тем более примечательно, что, как нам уже приходилось отмечать, древние книжники, начиная со свв. Кирилла и Мефодия, стремились при переводе соблюдать однозначное соответствие «определенное греческое слово – определенное старославянское слово» [Ефимова 1997: 63]. Следовательно, в старославянских текстах, там, где возможны мены союзов и и а, мы имеем дело с каким-то компонентом смысла высказывания, которой – факультативно – мог быть выражен (т. е. употреблением союза а), а мог и не быть выражен (во всяком случае

лексически, так как в отношении старославянского языка мы не можем пока судить об использовании интонационных средств, не можем мы пока судить и об использовании средств, заключающихся в изменениях темпа или отклонениях от ритма высказывания).

Учитывая, что союз **а** употреблялся и при переводе греческой частицы *δέ*, мы полагаем, что этот компонент, выражение которого, помимо функции сочинения, было основным предназначением старославянского союза **а**, относился к коммуникативной сфере, причем сфере того, что можно было бы назвать «субъективной интерпретацией» смысла высказывания говорящим в целях особого воздействия на слушающего (в широком смысле, реципиента) – в отличие от основных, «базовых» компонентов, несущих обязательную информацию. Старославянские тексты, содержание которых составляют притчи, проповеди, толкования, различные поучения и под., большей частью напрямую обращены к слушающему, вплоть до употребления в некоторых случаях 2 л. ед. ч. и повелительного наклонения (например: *аште хоштеши плачи са горько і въздъхні вельми... Клоц Зб 36–37 – паче же вѣди драхль и плачи са горько . Супр 405,25*). Мы полагаем, что союз **а** в старославянских текстах выделял, «выдвигал на первый план сознания» тот «участок» в высказывании (слово или «блок», обозначавшие чаще какой-то предмет, но иногда и действие или обстоятельство действия), который говорящий хотел особо подчеркнуть, привлечь к нему особое внимание слушающего. Эту функцию союз **а** выполнял и при переводе греческой частицы *δέ* (т. е. когда в греческом оригинале данное значение было эксплицировано), и при переводе греческого союза *καί* (т. е. когда в греческом оригинале данное значение не выражено лексически).

Рассмотрим, например, текст чтения Мк 9,3 о Преображении:

καὶ μετεμορφώθη ἔμπροσθεν αὐτῶν, καὶ τὰ ἱμάτια αὐτοῦ ἐγένετο στίλβοντα λευκὰ λίαν [ὡς χιῶν].

– *і прѣобрази са прѣдъ ними . і вѣша ризы его льшташта са . вѣлы зѣло ѣко і свѣтъ.* Мар, Зогр, Ас, Сав.

При данном порядке слов в славянском переводе во втором компоненте предложения употребление союза **а** в старославянском языке невозможно. Но если бы говорящий (в данном случае текст дается от имени рассказчика-евангелиста Марка) хотел особо

привлечь внимание слушателей к *ризам* и выделить, акцентировать соответствующее слово, было бы возможно:

**и прѣобрази сѧ прѣдъ ними . а ризы его бѣша льшташта сѧ . бѣлы сѣло тѣко и снѣгъ .*

И действительно, в синоптическом чтении Евангелия от Матфея (17,2) находим:

и прѣобрази сѧ прѣдъ ними . и просвѣтѣ сѧ лице его тѣко слнѣце . а ризы его бѣша бѣлы тѣко свѣтъ . Мар и Сав (в Ас ...ако снѣгъ в соответствии с разночтением в греческом оригинале *ὡς χιῶν: καὶ μετεμορφώθη ἔμπροσθεν αὐτῶν, καὶ ἔλαμψεν τὸ πρόσωπον αὐτοῦ ὡς ὁ ἥλιος, τὰ δὲ ἱμάτια αὐτοῦ ἐγένετο λευκὰ ὡς τὸ φῶς [ὡς χιῶν]*, в Зоґр нет текста).

Следует отметить, что *ризы* находятся в фокусе внимания в обоих случаях – и с союзом *и*, и с союзом *а*, и для передачи «обязательной» информации возможны конструкции с обоими союзами. Однако в случае употребления союза *а* чувствуется дополнительное вмешательство говорящего, стремящегося особо воздействовать на слушателя.

Представляется, что интересующий нас смысловой компонент являл собой в старославянских текстах как бы «дополнительную несущую» в высказывании, род «надстройки» над основными, «базовыми» компонентами смысла высказывания, которую говорящий мог по своему усмотрению привлечь (или не привлекать) как «средство давления на публику» – подобно тому, как исполнитель музыкального произведения, не имея права изменить «ни единой ноты» авторского текста (т. е. основных его компонентов, того, что составляет запись высоты тона и ритма), может по своему усмотрению использовать динамические оттенки и легкие ритмические отклонения⁴. В тех случаях, когда этот «выделительный» компонент значения был эксплицирован в греческом оригинале (т. е. выражен выделительной частицей *δέ*), славянский перевод мог как эксплицировать его (т. е. употреблялся союз *а* или частица-союз *же*), так и

---

⁴ В частной беседе проф. И. Фужерон обратила наше внимание на близость этих наблюдений мыслям С. И. Карцевского, высказанных им в «Deux propositions dans une seule phrase»: слова русского языка *и, а, но, да* несут и эмоциональную нагрузку со стороны говорящего, призваны выражать «его психологическую позицию по отношению к собеседнику». По мнению Карцевского, эти слова характеризует «тональность» фразы подобно ключу в музыке [Karcevski 2000: 198].

не выражать его лексически (т. е. употреблялся союз **и**). Наглядно это можно опять же видеть в имеющихся в нашем распоряжении старославянских переводах одного и того же греческого произведения. Например, в тексте из Слова Иоанна Златоуста на вербное воскресенье, где проповедник «цитирует» слова пророчества Исайи:

καὶ γνώσονται οἱ τῷ πνεύματι πλανούμενοι σύνεσιν· οἱ δὲ γογγύζοντες ὑπακούειν, καὶ γλώσσαι αἱ ψελλίζουσαι μάθωσιν [μαθήσονται] λαλεῖν εἰρήνην.

– факультативный компонент лексически выражен (союз **а**) в тексте в Сборнике Клоца: **и разоумѣжѣтъ дѣхомь вѣждаштен разоумь . а рѣпѣштѣштѣи наоучѣтъ сѧ послоушати . и ѡзгыци вѣснѣштѣи . наоучатъ сѧ глѣти мирь**. Клоц 1а 14;

– факультативный компонент лексически не выражен (союз **и**) в тексте в Супрасльской рукописи: **и разоумѣжѣтъ доухомь заблѣдивши разоумь . и гнѣважштин сѧ навѣкнѣжѣтъ послоушати . и ѡзгыци нѣмоужштинѣ . навѣкнѣжѣтъ вѣштати мирь**. Супр 325,22.

В старославянских евангельских кодексах можно найти примеры такой мены при переводе одного и того же греческого текста всех трех союзов: **и – а – же**. Например, в чтении Мт 9,34:

καὶ ἐθαύμασαν οἱ ὄχλοι λέγοντες· οὐδέποτε ἐφάνη οὕτως ἐν τῷ Ἰσραὴλ, οἱ δὲ Φαρισαῖοι ἔλεγον· ἐν τῷ ἄρχοντι τῶν δαιμονίων ἐκβάλλει τὰ δαιμόνια.

– в Ас 40b союз **и**: **И дивѣша сѧ народи глѣце . Николиже тако ѣви сѧ въ нлѣ . И фарисен глѣахъ . о кьнази вѣсовьствѣ изгонитъ вѣсы .;**

– Мар союз **а**: **и дивѣша сѧ народи глѣжце . николиже ави сѧ тако влѣ . а фарисѣи глѣахъ . о кьнази вѣсь изгонитъ вѣсы .;**

– в Зогр и Сав частица-союз **же**: **и дивѣша сѧ народи глѣжште . николиже ави сѧ тако въ лнѣ . Фарисен же глѣахъ . о кьнази вѣсь изгонитъ вѣсы .**

В старославянских текстах находим также примеры перевода старославянскими конструкциями с союзом **а** греческих бессоюзных конструкций с разного рода сопоставлениями. Например, в тексте Слова Иоанна Златоуста о предательстве Иуды в греческом оригинале (при значительных разночтениях по спискам) наблюдаются бессоюзные конструкции с сопоставлением «ἐκεῖνος – οὗτοι» (т. е. ἐκεῖνος – Иуда, οὗτοι – остальные ученики Иисуса):

Ἐκεῖνος περὶ τὴν προδοσίαν ἡσχολεῖτο [προδίδωσι τὸν Δεσπότην], οὗτοι περὶ τὴν διακονίαν [περὶ τὸ Πάσχα μεριμνῶσιν]. ἐκεῖνος σύμφωνα ἐποίει [ποιεῖ]..., οὗτοι περὶ [πρὸς] ὑπηρεσίαν παρασκευάζονται [παρασκευάζον].

В переводах гомилии, сохраненных как в Клоцовом сборнике, так и в Супрасльской рукописи (также при значительных разночтениях), используются конструкции с союзом **а**:

онѣ о прѣданы . тѣштѣаше сѧ . **а** си о слоужъбѣ . онѣ съвѣтѣ творѣаше... **а** си на слоужъбѣ готовлѣахъ сѧ . Клоц ба 9 и 11;

онѣ прѣдактѣ владѣихъ . **а** си о слоужъбѣ пекѣтѣ сѧ . онѣ вѣтѣ творитѣ... **а** си на слоужъбѣ готоватѣ сѧ . Супр 415,24 и 25.

В таких случаях использование союза **а** так же факультативно: говорящий может употребить конструкцию с союзом **а**, а может следовать греческой бессоюзной конструкции. Например, в чтении In 15, 5 в греческом оригинале используется бессоюзная конструкция с сопоставлением «ἐγώ – ὑμεῖς» (ἐγώ – Иисус, ὑμεῖς – ученики):

ἐγὼ εἶμι ἢ ἄγγελος, ὑμεῖς τὰ κλήματα.

– При переводе в апракосах – союз **а**: **Азъ есмь лоза а вы раждие** . Сав 27b, Ас 94 d;

– в тетрах сохраняется греческая бессоюзная конструкция: **азъ есмь лоза вы раждие** . Мар, Зогр.

Или, например, при сопоставлении «возможностей» человека и Бога в чтении L 18,27 в греческом используется бессоюзная конструкция:

τὰ ἀδύνατα παρὰ ἀνθρώποις δυνατὰ παρὰ τῷ θεῷ ἐστίν.

– В тетрах сохраняется греческая бессоюзная конструкция: **невъзможнаа отъ чкъ . възможна отъ бѧ сжтѣ** . Зогр, Мар;

– при переводе в апракосах – союз **а**: **невъзможнаа отъ чкъ . а отъ бѧ възсѣ възможна сжтѣ** . Ас 64d; **невъзможно естѣ отъ чкъ . а отъ бѧ възможна сжтѣ** . Сав 63b. Отметим при этом изменение порядка слов в апракосах по сравнению с греческим: «предмет» сопоставления **отъ бѧ** выносится в начало второго компонента предложения, в непосредственную близость к союзу **а**. Ср. подобный текст в чтении Mt 19,26, где в греческом второй компонент предложения с δέ: παρὰ δὲ θεῷ πάντα δυνατά. В этом случае все старославянские кодексы (за исключением Зографского, где нет текста) показывают перевод с союзом **а**: **отъ чкъ се невъзможно**

есть . а отъ бѣ всѣ възможъна . Мар, Ас; отъ члкъ не възможно
есть . а отъ бѣ възможъна сжтъ . Сав.

В старославянских текстах союз **а** употребляется, главным образом, в условиях паратаксиста. Есть, однако, немногочисленные случаи, когда **а** используется в качестве союза при выражении отношений условия и уступительности.

Предложения с отношениями условия и уступительности и употребляемые при этом союзные средства в старославянском языке были в свое время достаточно подробно описаны Е. Дограмаджиевой [Дограмаджиева 1984: 189–218]. Обычным союзным средством в старославянских текстах при выражении отношений условия является **аще**, при выражении отношений уступительности – **аще и**. Например:

алеѡандръ рече . азъ глагола се не владѣж . **аште** ли то тебе
послоушаѣж . то не тѣчьѣж владѣ кмѣ нѣ и жродѣ. Супр 155,30
(отношения условия);

не бо никтоже чистъ **аште и** кдинъ днь поживетъ на земн .
Супр 358,16 (отношения уступительности).

Редкие случаи употребления союза **а** вместо **аще** или **аще и**, возможно, объясняются наличием в структуре значения союза **а** того самого компонента, о котором идет речь в данной статье. Возможно, в таких случаях значение «выделения определенного участка» в высказывании, «усиленного выдвигания на первый план сознания», которое старославянское **а** совмещает с функцией союзного средства, имеет приоритетное значение для говорящего. Употребление союза **а** вместо **аще** или **аще и** характерно для гомилических текстов, когда требуется именно то «давление на публику», о котором говорилось выше. Ср., например, употребление **а** в тексте из Слова Иоанна Златоуста на Великую пятницу:

дѣвъ творитъ оумоу . землѣ висшті повелѣньемъ на водахъ .
а тяжька вештъ сжшті . Клоц 10а 4 (в греч.: Ἐκπλήττει τὴν
διάνοιαν ἢ γῆ, κρεμαμένῃ προστάγματι, καὶ τὸ βαρὺ στοιχεῖον
τοῖς ὕδασιν ἐποχοῦμενον). В русском переводе этого предложения со значением уступительности было бы уместно, видимо, употребление восклицательного знака, а при его произнесении – интонационное выделение прил. *тяжелая*.

Примечательно, что в условиях гомилии (т. е. при необходимости «давления на публику») при цитировании евангельского

текста обычное союзное средство **аще** может быть заменено союзом **а**. Например, в чтении L 7,39 в конструкции с отношениями нереального условия в славянском переводе закономерно употребляется союз **аще**, что и отражено в старославянских евангельских кодексах:

ὁ Φαρισαῖος... εἶπεν ἐν ἑαυτῷ λέγων· οὗτος εἰ ἦν [ὁ] προφήτης, ἐγίνωσκεν ἄν τις καὶ ποτάπη ἢ γυνὴ ἧτις ἄπτεται αὐτοῦ,...

– фарисѣи... рече . въ себѣ гл҃а . съ **аште** би б҃ылъ прѣкъ . вѣдѣлъ би оубо кто и какова жена прикасаатъ сѧ емь . Мар, Зогр, Ас (в Сав нет текста).

Это чтение цитируется в Слове Иоанна Златоуста о блуднице, однако вместо союза **аще** используется союз **а**:

фарисеи же... χοῦλην κωβάше на нь мѣсли... глагола въ себѣ си . снн а бѣ б҃ылъ пророкъ разоумѣлъ бѣ . кака кстѣ прикасаѣштина сѧ кмѣ . Супр 393,1 (в греч.: ὁ δὲ φαρισαῖος... βλασφήμους ἐκίνει κατ’ αὐτοῦ λογισμοὺς... λέγων ἐν ἑαυτῷ: “Οὗτος, εἰ ἦν προφήτης, ἐγίνωσκεν ἄν, ποταπὴ ἐστὶν ἢ ἀπτομένη αὐτοῦ, ὅτι ἁμαρτωλὸς ἐστὶν”).

Или ср. цитирование чтения In 11,21. В старославянских евангельских кодексах находим союз **аще**:

εἶπεν οὖν ἡ Μάρθα πρὸς Ἰησοῦν· κύριε, εἰ ἦς ᾧδε, οὐκ ἂν ἀπέθανεν ὁ ἀδελφός μου.

– рече же мар’та к їсѣн . г҃и **аште** би съде б҃ылъ . не би братъ мой оумрѣлъ . Зогр, Мар, Ас, Сав.

При цитировании чтения в Слове Иоанна Златоуста о воскресении Лазаря вместо **аще** используется союз **а**:

и сѣрѣте и сестра лазарова . и рече кмоу . г҃и а бѣ б҃ылъ съде . не бѣ оумрѣлъ ми братъ . Супр 306,19 (в греч.: καὶ ἀπαντᾷ αὐτῷ ἡ ἀδελφὴ τοῦ Λαζάρου, καὶ λέγει αὐτῷ· Κύριε, εἰ ἦς ᾧδε, οὐκ ἂν ἀπέθανέ μου ὁ ἀδελφός).

Ср. также цитирование этого чтения и подобного текста чтения In 11,32 в той же гомили в Супр 306,24; Супр 307,21; Супр 315,8; Супр 315,14.

В заключение скажем несколько слов об использовании в старославянских текстах союза **а** в качестве инициального. Как мы уже отмечали, старославянский инициальный союз **а** имел присоединительное значение и был характерен для непринужденного,

разговорного стиля [Ефимова 1997: 76]. Случаи употребления инициального союза **а** в старославянских текстах напоминают употребление абсолютно инициального **A** в русском языке, рассматриваемое Т. М. Николаевой как особый коммуникативный прием «интимизации» [Николаева 1997: 12]. Несомненно, и в этих случаях проявляется способность старославянского союза **а** к тому «эмоциональному» воздействию говорящего на слушателя, которое мы отмечали в случаях употребления союза **а** в качестве внутреннего союза. Например:

Рече же ꙗко слышите чѣто сѣднн неправедѣны глѣтъ . а бѣ не имать ли сътворити мьсти . избѣранхъ своихъ . въпнижштинхъ къ немуѡ день и ношь... L 18,7 Мар, Зогр, Ас, Сав (в греч.: Εἶπεν δὲ ὁ κύριος· ἀκούσατε τί ὁ κριτὴς τῆς ἀδικίας λέγει· ὁ δὲ θεὸς οὐ μὴ ποιήσῃ τὴν ἐκδίκησιν τῶν ἐκλεκτῶν αὐτοῦ τῶν βωόντων αὐτῷ ἡμέρας καὶ νυκτός...;).

Или:

Аѣриллианъ рече . непрѣподовьныи ꙗроде . доколѣ хо҃лы глаголеши о возѣхъ много влады . и досаждаа . а хѣ *вашъ* ꙗко же глаголете въ крѣстниани быти богоу небесьско҃го҃умѣ . не отъ жены ли роди сѣ. Супр 8,17 (в греч.: Αὐριλλιανὸς εἶπεν· “Ἔως πότε βλασφημεῖς, ἀνόσιε, κατὰ τῶν θεῶν πολλὰ φλυαρῶν· οὐχὶ καὶ ὁ ὑμέτερος Χριστός, ὃν λέγετε ὑμεῖς οἱ χριστιανοὶ εἶναι θεὸν οὐράνιον, ἐκ γυναικὸς ἐγεννήθη;”).

Непринужденную разговорность вносит в чтение In 4,2 и употребление союза **а**, вводящего вводное предложение **а нсѣ самѣ** не крѣштааше нѣ о҃ченици его со значением факультативного примечания:

Єгда же о҃вѣдѣ ꙗко ꙗко о҃слышаша фарисѣи . ꙗко нѣ мѣгожанша о҃ченикы творитѣ . и крѣштаатѣ неже ноанъ . а нѣ *самѣ* не крѣштааше нѣ о҃ченици его . остави иудеѣ . и иде пакы въ галлилеѣ. Мар (в греч.: Ὡς οὖν ἔγνω ὁ κύριος [Ἰησοῦς] ὅτι ἤκουσαν οἱ Φαρισαῖοι ὅτι Ἰησοῦς πλείονας μαθητὰς ποιεῖ καὶ βαπτίζει ἢ Ἰωάννης, — καίτοιγε Ἰησοῦς αὐτὸς οὐκ ἐβάπτισεν ἀλλ’ οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ, — ἀφῆκεν τὴν Ἰουδαίαν).

ИСТОЧНИКИ

- Ас – Ассеманиево евангелие.
Зогр – Зографское евангелие.
Клоц – Сборник Клоца.
Мар – Мариинское евангелие.
Сав – Саввина книга.
Супр – Супрасльская рукопись.

ЛИТЕРАТУРА

- Дограмаджиева 1984: *Дограмаджиева Е.* обстоятелствените изречения в книжовния старобългарски език. София, 1984.
- Ефимова 1997: *Ефимова В. С.* нъ и другие союзы в старославянском // Славянские сочинительные союзы. М., 1997. С. 62–79.
- Карлсон 1986: *Карлсон Л.* Соединительный союз BUT // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М., 1986.
- Николаева 1997: *Николаева Т. М.* Сочинительные союзы А, НО, И: история, сходства и различия // Славянские сочинительные союзы. М., 1997.
- Словарь 1994: Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
- Соколова 1976: *Соколова М. А.* Церковнославянизмы и русский литературный язык. II. // Acta Universitatis Szegediensis. Dissertationes Slavicae. Szeged, 1976. Т. XI.
- Karcevski 2000: *Karcevski S.* Inédits et introuvables / Textes rassemblés et établis par I. & G. Fougeron. Paris, 2000.
- Lakoff 1971: *Lakoff R.* Ifs, ands and buts about conjunction // Studies in Linguistic Semantics. Ed. by Ch. Fillmore and D. Langendoen. New York, 1971. P. 115–150.

**Особенности структуры «Исхождения Авраамия Суздальского»
(список XVI–XVII вв.)**

Межфразовые связи являются одним из определяющих факторов для понимания и смысловой интерпретации любого произведения, в том числе и рукописного, в котором письменный текст представляет собой поток слов и предложений и иногда вызывает трудности в толковании. В своей имплицитной или эксплицитной форме они определяют смысловые отношения предикативных частей, составляющих текст. Их декодирование позволяет охарактеризовать последовательность предложений и выявить разные виды смысловой зависимости между ними.

Данный анализ основан на двух рукописях XVI–XVII вв., которые содержат рассказ о двух мистериях, описанных русским путешественником.

В 1439-ом году в честь участников Феррарско-Флорентийского собора, провозгласившего Унию католической и православной церквей, во Флоренции были представлены две религиозные пьесы – «Благовещение» и «Вознесение». Следует отметить, что постановка мистерий была широко распространена во второй половине XV века и приобрела к этому времени большое значение в культурной жизни города. Обычно зрителям показывали «Благовещение», «Вознесение» и «Пятидесятницу», поставленные в разных городских церквях. Первые две мистерии получили особую известность благодаря так называемому «индженио» [ingegno], подробное описание которого дал Вазари [Vasari 1906: II, 375–378; III, 196–199]. Спроектированное Брунеллески, оно представляло собой сложную техническую конструкцию – основу всего театрального представления.

Среди русской церковной делегации был и епископ Авраамий из Суздаля, который видел представления и «Благовещение», и «Вознесение». Эти зрелища так восхитили и поразили его, что он написал о них рассказ, известный в рукописной традиции под названием «Исхождение Авраамия Суздальского».

Итальянские пьесы XV века, описанные русским путешественником, пользовались большой популярностью, о чем свидетельствует их богатая рукописная традиция [Казакова 1979]. Они представляют большой интерес как памятники ранних русско-итальянских связей наряду с другими произведениями, посвященными Феррарско-Флорентийскому собору («Повесть о восьмом соборе» Симеона Суздальского, «Хождение во Флоренцию» и «Заметка о Риме»). Кроме того, для русского мира – это первый рассказ о таком виде искусства, как театральное представление, которое не существовало в России, а для итальянского мира – единственное описание двух мистерий со стороны конкретного зрителя и, следовательно, исключительный источник для истории итальянского театра эпохи Возрождения.

«Благовещение» и «Вознесение», составляющие, как уже сказано, «Исхождение Авраамия Суздальского», сначала, видимо, были включены в один список, потом были разделены и стали передаваться в рукописной традиции отдельно. В данной работе использованы для обеих мистерий списки XVI–XVII вв., в которых они переданы в более полной форме. Что касается «Вознесения», цитируемый список дополнен вариантом из другой рукописи (см. библиографию).

Цель анализа – показать, как построены тексты «Благовещение» и «Вознесение», как связаны между собой их отдельные части и предложения. Хотя текст и озаглавлен как «исхождение», он относится не столько к литературному жанру «хождения», сколько к жанру «рассказа» о конкретных событиях, очевидцем которых оказался сам автор-сочинитель.

В рассказе о «Благовещении» и «Вознесении» отмечают новизна и необычайность того, что видит путешественник, который ярко и детально передает постановку и сценическую технику спектаклей, сюжет пьес и игру актеров. Повествовательная часть, являющаяся несущей осью двух текстов, ведется от первого лица и местами разбита прямой речью или диалогами, произносимыми персонажами пьес (Иисус, апостолы, ангелы, архангел Гавриил, Богородица, пророки).

Оба текста имеют одинаковую структуру: начало, описание спектакля и финал.

Начало и финал «Благовещения» содержат два почти одинаковых структурно-семантических фрагмента, каждый из которых несет дополнительную информацию. Она представлена с позиции автора, о чем свидетельствует употребление глагольных

форм первого лица множественного числа. В тексте дается полная картина того, что видел автор, называются места, откуда он это видел, а также содержится оценка увиденного им. Кроме того, конец включает и топос письменной традиции, в соответствии с которой автор самоуничижается, представляет себя человеком «малоумия» и подтверждает, что он описал то, что видел, подчеркивая великолепие и необычность увиденного.

1. (начало) (финал)

Видѣхом во граде зовемом Флоренза в манастири в церкви святаго апостола и евангелиста Марка.
(л. 81 об. – л. 82).

Се ж всечюдное то и хытрое дѣлание видѣхом во градѣ зовемом Флоренза, и елико можахом своим малоумиемъ вмѣстити и написахом противу же тому дѣланию, яко видѣхом немощно исписати, зане чюдное и отнудь несказанно есть (л. 88 об.).

Начало и финал «Вознесения» по разному представлены в списках, что свидетельствует о разнице в презентации авторской позиции: в одном списке позиция автора нейтрализована, а в другом – представлена только в конце текста глагольными формами первого лица единственного числа. В конце описания не упоминается ни одного места (ни церкви, ни города), но встречается образ «видѣти», повторяется оценка мистерии с точки зрения автора (*чудно, несказанно, радостных слез преисполенно*) и незначительность написанного им. Можно предположить, что раньше описание двух мистерий составляло один текст и что было излишним указывать авторскую позицию, уже представленную в «Благовещении».

2. (начало) (финал второго списка)

В том градѣ есть церковь Вознесение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. На самый тои праздник воспоминание творяху латыня, яко же Господу нашему Иисусу Христу въ 40 день вознесшуся со славою ко Отцу на небо (л. 324 об.).

Се же, любимицы мои, елико можах, толико и написахъ, но не могу бо таковаго хитраго видѣя в забытии положити, но помяновения ради и написах, зане же бо чюдно есть видѣние се и несказанно и радостных слез преисполенно, противу тому всему, како видѣхъ. Никако же мощно есть истинно исписати или сказати. Елико же восмогохъ, толико и написахъ (л. 189).

Описание спектакля и в «Благовещении», и в «Вознесении» состоит из двух частей: а) первая часть посвящена постановке пьесы, описанию сцены и вообще всему видимому, что отмечал зрительский глаз. Однако автор описывает и такие детали, которые он не мог видеть с того места, где он находился. В этой связи можно предположить, что он говорит о том, что получил из объяснений другого лица; б) вторая часть содержит описание самого спектакля с момента прихода публики до его окончания.

Наша реконструкция установки автора проводилась путем анализа имплицитных и эксплицитных межфразовых связей. Элементы, выполняющие имплицитную функцию связи, могут быть лексические, грамматические (видо-временные формы и формы наклонения) и синтаксические (структура самого предложения и порядок расположения предложений).

Одним из основных грамматических факторов, определяющих построение рассказа о флорентийских мистериях, является видо-временная система.

В начале и в финале текстов процесс видения и писания представлены формами аориста. Формы же настоящего времени употребляются для рассуждений автора (*«зана чудное и отнудь несказанно есть»*, *«не могу бо такового хитраго видѣя в забытии положити»*, *«никако же мощно есть истинно исписати или сказати»*).

В обеих частях собственно описания спектакля употреблены, главным образом, глагольные формы настоящего времени, простого будущего времени и имперфекта. Время автора совпадает со временем зрителя: он видит то, что находится напротив него, около него, над ним, анализирует окружающую действительность и пространство, в котором расположены предметы, декорация и сценическое оборудование. Мы их видим в той же последовательности, в какой нам их представляет автор-зритель.

Синтаксические средства связи могут быть как имплицитными, так и эксплицитными. Имплицитным синтаксическим средством связи является порядок следования предложений. Последовательное расположение предложений напоминает технику кинокамеры, движущейся по горизонтали и вертикали и снимающей подряд все то, что попадает в объектив, не всегда с исчерпывающими объяснениями. Большой частотностью обладают предложения с синтаксическим

эллипсисом, соответствующие общему сжатому тону рассказа. Этот прием автора рассказа о флорентийских мистериях выполняет функцию «фотографирования» действительности для представления ее читателям.

3. *Есть же церковь та создана от предняя стѣны до олтарныя 80 сажень, в ширину же 20 сажень. Помость каменен на каменных же столпѣх в высоту четырех сажень, в ширину же яко 20 сажень. Над мостом у лѣвья страны учинен град мал каменен, чуден велми с пиргосы и з заборами во имя святаго града Иерусалима. Противу же града у первья стѣны учинен холм высок полуторы сажени вверхъ, окрестъ же его устроены лавицы от земли в высоту яко дву пяди.* (Вознесение, л. 324 об. – 325).

Эксплицитным средством межфразовых связей являются союзы и союзные средства: сочинительные союзы *и, а, но*, подчинительные союзы *яко, зане*, союз-частица *же*.

Сравним средства выражения межфразовых связей в первой (а) и во второй (б) частях описания спектакля.

а) В первой части описания спектакля и в «Благовещении», и в «Вознесении» временная одноплановость соединяемых частей передается предикатами, выраженными глаголами настоящего времени (*есть создана, помость каменен, учинен холм*). Исключением является первое предложение начала описания «Благовещения» (в нем речь идет о «месте», устроенном в церкви для проведения спектакля), предикативная часть которого выражена глаголом *быти* в форме аориста (4. «*Быть же сице есть в церкви той над предними дверми под самым верхом устроено мѣсто к передней стѣнѣ всямокачно яко бытъ полуторѣ саженей каяждо его стена величеством, и лѣствица к нему утверждена мала и хытро...*» л. 82). Автор, находясь под сильным влиянием того, что увидел (как уже сказано, начало рассказа ведется в прошедшем времени), начинает описание в прошедшем времени и тут же переходит к настоящему.

В следующем (5) примере наряду с временной одноплановостью соединяемых частей наблюдаются одинаковая структура предложений («обстоятельство места – предикат – подлежащее») и одинаковый состав грамматических форм:

<i>Из верху же</i>	<i>суть учинени</i>	<i>седь вервий</i>
<i>Под ними же</i>	<i>учинен</i>	<i>отрок</i>
<i>Над самым же</i>	<i>учинена</i>	<i>комара</i>

5. *Изверху же сквозъ небо то къ Елеоньстѣй горѣ суть учинени седмь вервий тонцы и крѣпцы с хитрыми и недоумѣнными желѣзными верьтлиги. Под ними же учинен отрок во имя Христово, на небо ко Отцу хотяще взыти. Над самым же олтаремъ под верхом церкви тоя учинена комара каменна... (Вознесение, л. 325 об.).*

В следующих примерах рассматриваются эксплицитные выражения связи, т. е. союзы *и, же, а, но, яко*.

Союз *и*, выполняющий начинательно-соединительную функцию, прерывает открытую структуру бессоюзных предлоений (6) или, при повторе, вводит цепное нанизывание предложений, являющихся отдельными высказываниями, связанными сюжетом рассказа (7), и связывает предложения, содержащие новую информацию. Он обозначает совместимость проявления во времени явлений, как подчеркнуто в примере (7), временным наречием *тогда*.

6. *Поволчена гора та паволоками красными. Над самою же тою горою высокою яко осмь сажень вверх наряжен помость досками четырех сажень всямиокачен, и со всѣх сторонь дѣсками учинено изрядно, сысподи помость тои подписан велми чудно. (Вознесение, л. 325).*
7. *И по странам и среди помусту того в верху учинена дѣра круглѣ дву сежен и покрыта платом синим. На плату же том написано солнце и мѣсяць и окрестъ их звѣзды писаны, то естъ учинено подобие небеснаго круга перваго, тои же круг, рекше небо. И преидущее на подобное время к верху, надвое отворитсѣ, рекше небесная врата отверзусѣ, и тогда узрятъ вси людие над враты неба того челоуѣка наряжена в ризу и венець... (л. 325).*

Слово *же*, играющее роль союза и частицы, в предложении занимает место после знаменательного слова. Союз *же* выполняет начинательно-соединительную функцию с усилением предыдущего слова (8), а также сопоставительную функцию. Его начинательно-соединительная функция семантически почти совпадает с функцией союза *и*. В обеих мистериях начало описания спектакля определяется союзом *же* в начинательно-соединительной функции:

8. *Бысть же сице естъ в церкви тои... (Благовещение, л. 82).
Есть же церковь та создана... (Вознесение, л. 324 об.).*

Во всех остальных случаях союз *же* устанавливает связи между предложениями с одинаковыми лексическими элементами, каждое из

которых содержит новую, более подробную информацию по отношению к предшествующему предложению или уточняет предыдущую информацию. Например (9): после описания красивого каменного города, построенного для пьесы, описываются холм перед городом и «лавицы», поставленные около холма.

9. *Над помостом у лъвья страны учинен град мал каменен, чюден велми с пиргосы и з заборами во имя святаго града Иерусалима. Противу же града у первья стъны учинен холм высок полуторы сажени вверхъ, окрестъ же его устроены лавицы от земли в высоту яко дву пяди* (Вознесение, л. 325).

Сопоставительная функция союза *же* проявляется в двух последовательных предложениях с синтаксическим параллелизмом их частей. Высота и ширина, являющиеся разными размерами церкви, где идет «Вознесение», даны, например, в сопоставлении одна с другой. Здесь союз *же* имеет и дополнительное значение усилительной частицы:

10. *Помость <...> в высоту четырех сажень, в ширину же яко 20 сажень.* (Вознесение, л. 325).

Роль слова *же* как усилительной частицы проявляется, когда оно следует за местоимением:

11. *Поволчена гора та паволоками красными. Над самую же тою горою высокою...* (Вознесение, л. 325).

Союзы *а* и *но* в первой части описания спектакля употребляются только один раз: *а* выражает противительно-сопоставительное отношение между двумя предложениями, в которых разными лексическими элементами передаются высота и ширина помоста:

12. *И на том мѣсте наряжен помость камен от сторонняа стены до другия стъны на столпѣх каменных высоко яко трею сажень, а в широту полутретю сажени.* (Благовещение, л. 82 об. – 83).

Противительное отношение двух предложений обусловлено лексическим значением их основных членов.

Союз *но* выражает противительное отношение, реализованное в лексемах предложений, обозначающих различие, несходство. Он встречается при употреблении отрицания в первой части предложения. В «Благовещении» одежда людей, играющих роль пророков, не красива и не хорошо шита, но аккуратна, приятна:

13. *Одѣяние их нехытро ни хорошо, но възмет опрнатиемъ...*
(л. 83 об.).

В первой части описания спектакля встречается еще союз *яко*, который устанавливает подчинительную связь с предложением, предикат которого выражен глаголом *видѣти* при выражении объектного отношения. Например:

14. *Отнудъ же видѣша, яко ничим деръжим просто, яко на въздусть седяща* (Вознесение, л. 325 об.).

б) Вторая часть описания спектакля посвящена собственно театральному действию. В ней предметы и люди показаны в движении: люди двигаются, совершают действия, говорят; предметы тоже двигаются, перемещаются сверху вниз и наоборот. Данная часть состоит из ряда предложений, передающих разные фазы пьесы с прихода публики до опускания занавеса. В «Вознесении» после опускания занавеса описывается еще возвращение ангелов к Отцу. Среди имплицитных средств выражения межфразовых связей особую роль играет видо-временная система. Предикативные части всех предложений выражены глаголами совершенного вида (*явится, станет, даст, начнут*) и глаголами с префиксами (*пойдет, наполнится, низведет, отидет, возозрят, загорятся...*), еще не целиком грамматикализованными как видовые знаки, но сохраняющими свое лексическое значение и обозначающими конкретные единичные действия. Данные глаголы употребляются в форме простого будущего времени, которое характеризует определенное в пространстве и во времени действие, происходящее сию минуту. Автор рассказывает спектакль, как будто он видит его сейчас. Такой прием выделяет из рассказа исполнение самих мистерий, создавая два макротекста, обрамленных линией употребления простого будущего времени.

В этих макротекстах предикатам, выраженным глаголами в форме простого будущего времени, противопоставлены предикаты с аористными глагольными формами, которые встречаются в повествовательной части пьесы (15. *Петр же, пришед, паде на ногу Иисусову*, Вознесение, л. 326), а также предикаты с имперфектом, обозначающим процесс действия:

16. *Овиши кверху идяху, а инии въ стрѣтение имъ к низу идяху*
(Благовещение, л. 85 об.).

Во временном плане, среди времен, устанавливающих межфразовые связи, настоящее время и имперфект означают одновременность совершаемых действий (явления и события совпадают во времени), а простое будущее время и аорист означают временную последовательность (явления и события не совпадают во времени).

17. *Окрестъ же его, яко и выше писахом, възъ треюсот свѣщъ горяху. И хождааху свѣщи тыя съ огнемъ беспрестани съмо и овамо скоро велми и срѣтахуся.* (Благовещение, л. 85 об.).
18. *Въ 9 часъ дни поидетъ много народа отвсюду къ церкви той на преславное и хитрое видѣние. Яко наполнитъся церковь людей и мало премолкнут...* (Вознесение, л. 326).

Дополнительным имплицитным средством связи являются формы наклонения. Формы наклонения передают отношение действия к действительности с точки зрения говорящего, а также предстают как средство выражения смысловых отношений между фразами. В рассказе о мистериях особую роль играет повелительное наклонение, с помощью которого выделяется чужая речь из общего повествования:

19. *Онъ же <...> глаголавыи: «Марие, не ужасайся мене...»* (Благовещение, л. 87).
20. *Онъ рече имъ: «Не плачѣтеся...»* (Вознесение, л. 326 об.).

Сослагательное наклонение придает предложению модальное значение предположительности, которое обычно выражается после предложения с глаголом в изъявительном наклонении или, как в нашем примере, с глаголом в форме инфинитива:

21. *По всему же видѣти, яко бы имъ лѣтящымъ.* (Вознесение, л. 189).

Имплицитным синтаксическим средством выражения связи является конструкция с дательным самостоятельным, т. е. конструкция с сочетанием имени существительного или личного местоимения, стоящего в дательном падеже с согласованным с ним причастием в функции сказуемого. Эта конструкция передает отношение подчинения с временным значением.

22. *Идущу жъ ангелу къверху* (Благовещение, л. 87 об.).
23. *... ему глаголющу...* (Вознесение, л. 327).

Эксплицитными средствами связи в «исхождении» являются союзы и союзные слова: *и, же, а, но, бо, да, убо, зане, яко (яко же), како, тако, аще (аще и), елико... толико и (елико же... толико и).*

Союз *и* является самым частотным средством выражения межфразовой связи. Он устанавливает начинательно-соединительное отношение и во многих случаях выполняет функцию «цепного нанизывания предложений», местами прерванного употреблением союза *же*.

24. *И по сем явится человекъ на том же помостѣ, одѣяннем учинен в подобие Сына Божия и пойдет къ преждереченному граду, рекше ко Иерусалиму, и онама четверем, рекше агглом, пред ним идуцим.* (Вознесение, л. 326).

Союз *же* по частотности занимает второе место после союза *и* и выражает «начинательно-соединительные» (25. «По семь же к настоящему времени дѣлания тому великому и чудному дѣлу приидет отсюдѣ многъ народ...», Благовещение, л. 84) и «сопоставительно-усилительные» связи (26. «Еще же и малые дѣти окрестъ его, рекше небесныя силы...», Благовещение, л. 85 об.; 27. «В руцѣ же держаше, рекше вправие. Схождение же его сице <...> Дивно же есть чудное то строение...», Благовещение, л. 86, 86 об.). Его смысловые значения как союза и как частицы частично дополняют друг друга.

28. *Стоящим же им, Иисус же даст им дарование* (Вознесение, л. 326 об.).

Союз *а* употребляется в своей противительно-сопоставительной функции. Он встречается в предложениях, в которых описываются противоположные ситуации. Сопоставляемые компоненты таких предложений характеризуются структурно-семантической однотипностью. Например, автор пишет в двух предложениях об огне, спускающемся сверху вниз и поднимающемся снизу вверх. Второе предложение вводится союзом *а*, после которого стоит и союз *и* (29. ... *от врьху огонь поидет <...> на землю <...> А и назад тотъ же огонь восхождааше...*, Благовещение, л. 87 об., л. 88). В этом случае (т. е. при одновременном употреблении двух союзов *а*, *и*) смысловая нагрузка ложится на союз *а*, а союз *и* означает последовательность действий.

Противительный характер двух предложений выражается также в перечислении действий или в сопоставлении утверждения и отрицания:

30. ...*инь браду имѣаше, а инь не имѣаше...* (Вознесение, л. 326 об.).

31. ...овии пояху, а инии в кимвалы бяху, а инии в прегудници... (Благовещение, л. 85 об.).

Союз *но* устанавливает противительную связь, при которой связываются разные семантические компоненты с различными лексическими элементами. Приведем несколько примеров:

32. *Не плачется, не оставлю вас сырых, но иду ко Отцу моему* (Вознесение, л. 326 об., л. 327).
33. *И никому же убо нѣсть пакости зрящим от великаго того огня, но есть дивно и страшно зримое то видѣние.* (Благовещение, л. 88).

В следующем примере при структурно-семантической однотипности двух предложений отмечается употребление союза *но*, которое по сравнению с союзом *а* имеет только противительное значение. Автор как бы исключает сопоставительный оттенок:

34. *...не прелестник есмь, но архангелъ бо есмь Гаврииль* (Благовещение, л. 87).

Еще один из союзов, играющих роль в построении текста, – это союз *бо* книжной традиции, который имеет пояснительно-причинное значение. Он подтверждает и объясняет информацию предыдущего предложения, выделяя предшествующее слово. Его место в предложении находится после знаменательного слова. Вот как ангел обращается к Богоматери:

35. *«Радуйся, благословенная Марие, обрѣте бо благодать от Бога <...> посланъ от Бога есмь благовѣстити зачатие Сына Божиа и не невѣруи словесем моим, безсѣмной бо есть зачатие»* (Благовещение, л. 86 об., л. 87).

Причинный характер союза *бо* проявляется в повторе слова или понятия в двух последовательных предложениях. В приведенном примере повторяется слово «зачатие», которое затем уточняется во втором предложении.

Бо имеет и другую, усилительную функцию, которая проявляется, когда союз употребляется в предложении с другим семантически более сильным союзом (т. е. в случае употребления двух союзов). Тогда пояснительно-причинное значение союза *бо* нейтрализуется, и он подчеркивает предыдущее слово:

36. *Аще бо аз не иду, утѣшителъ не приидет* (Вознесение, л. 327).
37. *и яко възиде ко Отцу, рекше въ небесная, и тои бо скоро*

затворится (Вознесение, л. 328).

Союз *бо* вышел из употребления в современном русском языке.

Слово *да* книжной традиции является союзом и частицей. В функции союза оно представляет собой изъяснительно-модальный союз с побудительным оттенком, характерным для его функции как частицы, и выражает целевое или условное отношение между предложениями. Когда целевые отношения представлены в предложениях с союзом *да*, в придаточном предложении предикативная часть эксплицируется глаголом в простом будущем времени:

38. *И скоро отиди, юноше, да не зазрит тебе Иосиф...*
(Благовещение, л. 87).

Союз *да* связывает два предложения, выражающих условное значение, и встречается в главной части сложноподчиненного предложения, в то время как придаточная часть вводится союзом *аще*:

39. *...а его же аще разрѣшиши на земли, да будет разрѣшен на небеси* (Вознесение, л. 327 об.).

Союз *убо* книжной традиции, имеющий и функцию частицы, придает предложениям присоединительную связь с пояснительным оттенком. Его употребление отмечается в рассказе о мистериях только один раз в сочетании с союзом *же*.

40. *И никому же убо нѣсть пакости зрящим от великаго того огня* (Благовещение, л. 88).

Союз *зане* и его вариант *зане же* выражают причинное отношение, что подтверждается его этимологией. Слово *зане* образовано от причинного предлога *за* и местоимения *и, я, к*. В предложениях, связанных этим союзом, придаточное предложение располагается в постпозиции к главному:

41. *отиди скоро, зане и мене изгонит от дому своего*
(Благовещение, л. 87).

42. *но помяновения ради и написах, зане же бо чудно есть видѣние се* (Вознесение, л. 189).

Книжный изъяснительный союз *яко, яко же* является полисемантическим и выполняет сочинительную и подчинительную функции. Он выражает временное, объектное и сравнительное значения. Союз *яко* с временным значением вводит придаточное предложение, расположенное в препозиции к главному:

43. *И яко наполнится великая та церкви множества людей, помедлив мало, помолкнутъ* (Благовещение, л. 84).

44. *и яко придет ангель противу Дѣвѣя, а ей же съдящей и обратився скоро лицем, держа вѣтвь в руцѣ, начнет умилено к ней и тихом гласом вѣщати сице...* (Благовещение, л. 86 об.).

Временное значение союза *яко* подчеркивается в сочетании с наречием времени:

45. *Яко уже вся совершишася о Мнѣ, иду ко Отцу моему...* (Вознесение, л. 326 об.).

Когда союз *яко* выражает объектное отношение, он употребляется с глаголом *видѣти*:

46. *...видѣти, яко ему летящу* (Благовещение, л. 88).
47. *По сему же видѣти, яко бы имъ лѣтящым* (Вознесение, л. 189).

В сравнительной функции союз *яко* употребляется в предложении, где описывается ситуация, которая имела место раньше:

48. *Окрестъ же его, яко и выше писахом, вѣщъ треюсотъ свѣщъ горяху* (Благовещение, л. 85 об.).
49. *и написахом противу же тому дѣланию, яко видѣхом немощно исписати* (Благовещение, л. 88 об.).

Сравнительное отношение выражено и союзом *како*, который в ту эпоху являлся стилистически нейтральным вариантом союза *яко*. Со временем союз *како* выводит союз *яко* из употребления.

50. *...и радостныхъ слезъ преисполненно, противу тому всему, како видѣхъ* (Вознесение, л. 189).

Союз *такъ*, имеющий функцию и частицы, и наречия, вводит соединительно-следственную связь. Он употребляется в тексте только один раз:

51. *Се Иисусъ, вознесшися отъ васъ на небо, и такъ придетъ имъ же образомъ видѣсте его идуща на небо* (Вознесение, л. 189).

Условный союз *аще*, *аще* и выражает условно-уступительное значение и связывает придаточное предложение с главным – он употребляется только в прямой речи, в которой передаются слова Иисуса:

52. *Аще бо ас не иду, утѣшитель не придетъ* (Вознесение, л. 327).
53. *а его же аще разрѣшиши на земли, да будетъ разрѣшенъ на небеси* (Вознесение, л. 327 об.).

Финал рассказа о мистериях представляет собой замечания автора о своей работе. Он отмечен начинательно-соединительным союзом *же*, который вводит два предложения в сравнительно-сопоставительном отношении, выраженном союзной коррелятивной парой *елико... толико и*. Ее вариант *елико же... толико и* служит для связывания последних двух предложений. Эти союзы устанавливают соответствие двух действий одного и того же субъекта в одном временном плане. Соотносимые части характеризует грамматический параллелизм.

54. *Се же, любимицы мои, елико можах, толико и написах... Елико же возмогохъ, толико и написах.* (Вознесение, л. 189).

Результаты исследования показывают, в первую очередь, значимость межфразовых связей в попытке толковать рукописное произведение так, как его сочинил сам автор, стараясь по возможности отстранять элементы личного взгляда исследователя.

1. Средства связи имеют имплицитную и эксплицитную реализацию в тексте. Языковыми элементами, выполняющими имплицитную функцию связи, являются видо-временные формы, формы наклонения, структура предложения, порядок расположения синтаксических частей, синтаксический параллелизм в строении частей. Эксплицитная реализация связи между предложениями осуществляется с помощью союзов, несущих определенную семантическую нагрузку. Этим разным реализациям межфразовых связей соответствуют бессоюзные и союзные предложения.

2. Оба типа связей характерны для русского литературного языка XVI–XVII вв., в котором их употребление зависит от жанра текста. В рассказе о флорентийских мистериях повествовательный тон и описание конкретного действия способствуют употреблению сочинительных союзов и ограничивают использование союзных связей подчинительного типа. Однако подчинительное отношение выражено и бессоюзными предложениями, в которых представлена не формальная зависимость одной части предложения от другой, а смысловая.

В «Исхождении Авраамия Суздальского» среди средств имплицитной реализации межфразовых связей значительную роль играет видо-временная система глаголов. Она участвует и в организации целого текста, и в выделении его основных частей.

Союзная система связей, т. е. их эксплицитная актуализация, устанавливающая разные смысловые отношения между предложениями, не всегда семантически однозначна, что приводит к «конкуренции» между союзами, определяя выход некоторых из них из употребления. В области формально выраженных союзных связей встречаются пары частично семантически синонимичные или совсем синонимичные. К первой группе относятся *и, бо, а, но, же*; ко второй группе – *яко, како*, отличающиеся друг от друга признаком книжности-некнижности.

3. Имеются случаи совместного употребления в одном предложении двух или более союзов, что приводит к семантической нейтрализации более слабого союза до его полного исчезновения (например, энклитический союз *бо*, который употреблялся наряду с другими союзами. Он постепенно сужал свои функции и окончательно вышел из употребления).

В итоге получается разнообразная картина межфразовых связей, с помощью которых автор оформляет логическую последовательность описания того, что он видел собственными глазами, выражая свою оценку и устанавливая коммуникативный контакт со своими соотечественниками-читателями.

ИСТОЧНИКИ

Благовещение. Фрагмент из Хождения митрополита Исидора на Флорентийский собор в 1437 г. по рукописи РНБ, ф. 588, собр. М. П. Погодина, № 1571 (сборник-конволют из 5 частей XVI–XVII вв.), л. 81 об. – 88 об.

Вознесение. СПб., РНБ. Основное собрание рукописных книг, ф. 550, Q XVII. 321 (сборник смешанного содержания XVI–XVII вв.), л. 324 об. – 328.

Вознесение. Текст цит. по рукописи БРАН, ОР, фонд Текущие поступления, № 496, л. 184 об. – 185 об.; 188 об. – 189.

ЛИТЕРАТУРА

Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение / Под ред. В. И. Борковского. М., 1979.

Казакова 1979: Казакова Н. А. «Исхождение Авраамия Суздальского». Списки и редакции // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1979. Т. XXIII. С. 55–66.

Ломидзе Е. М. К вопросу о восприятии Ферраро-Флорентийского собора русской делегацией (анализ сведений Симеона Суздальского) // Славяне и их соседи. М., 1996. С. 140–152.

- Русская грамматика. М., 1980. Т. 1–2.
- Славянские сочинительные союзы. М., 1997.
- Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
- Sbriziolo I. P.* Il consiglio di Firenze nella narrativa russa del tempo // Europa Orientalis. 1990. Т. IX. P. 107–123.
- Vasari 1906: *Vasari G.* Le opere / Ed. G. Milanesi. Firenze, 1906. Vol. II. Vita di Filippo Brunelleschi. P. 375–378; Vol. III. Vita del Cecca. P. 196–199.
- Ventrone P.* Feste e spettacoli nella Firenze di Lorenzo il Magnifico // Le tems revient. 'L tempo si rinnova. Feste e spettacoli nella Firenze di Lorenzo il Magnifico. Silvana Editoriale, 1992. P. 21–53.

Межфразовые связи в тексте спонтанной речи

На какие физические параметры при восприятии устного текста и при его членении на смысловые отрезки ориентируется слушающий – паузы, характер основного тона, глубину просодических швов [Кривнова 1995] или что-то еще – проблема, решением которой давно занимаются специалисты по просодии. О. Ф. Кривнова отмечает: «полагаем <...>, что просодическим швам <...> соответствуют такие артикуляторно-перцептивные разрывы (перебой или паузы) в плавном течении звучащей речи, степень обнаружимости которых при восприятии определяется функциональной природой ПШ, их глубиной и значимостью. Естественно допустить также, что слушающие достаточно согласованно оценивают степень разрыва, а тем самым и глубину ПШ» [Кривнова 1995: 228]. Кроме того, неясно, существуют ли определенные корреляты между интонационным оформлением того или иного речевого сегмента говорящим и адекватным восприятием его слушающим.

Для нас было важно найти соответствие между членением слушающим текста спонтанной речи на смысловые отрезки (фразы) и характером интонации. Для выявления корреляции между интонационным оформлением текста устной речи и синтаксическим его членением был проведен эксперимент.

Материалом послужила магнитофонная запись спонтанной диалектной речи, отражающей сибирский (один из алтайских) говор среднерусского типа. Информантам (их было десять) была предъявлена магнитофонная запись и распечатка ее в письменной форме без знаков препинания и прописных букв (кроме начала текста, реплики или имен собственных). Задача, которая была поставлена перед информантами – расставить знаки препинания. Некоторое усложнение задачи определялось тем, что слушатели – носители литературного языка должны были оценивать текст, произнесенный носительницей алтайского диалекта. Впрочем, оценка магнитофонной записи

специалистами по интонации показала, что интонационные отличия этого диалекта от литературного языка незначительны.

О событиях 30-х годов в Синьцзяне говорит Степанида Тимофеевна Пяткова, жительница г. Вудбурна (США, штат Орегон), запись авторов 1998 г.:

– Мой дедушка Фёдор Иванович Иванов он проживал в Бурановской Бураново может быть сейчас знаете город Буранов

– *Нет.*

– Бурановский этот город

– *Это где?*

– В Союзе

– *Ага.*

– И он служил в армии у царя Николая и тогда когда почу... а как он почувствовал увидел что будет большой переворот или что-то такое и он тогда сговорил некоторых зн...э как близких людей надёжных и в... убежали в Китай 1907-го года оне убежали и тогда (з)нач(ит) ино стали семьи доставать свои и семьи к им приехали 1912-го года и стали жить там китайцы приняли их очень хорошо вежливо с ними обходились всё и мой дедушко пошёл он был тогда уже но он уже после был губернатором сначала был Зенков какой-то русский губернатором а потом мой дедушко был

– *Его как фамилия была?*

– Иванов Иванов он был и е ей... когда немножко как сказать когда была война эта дунганская то дедушко был он далёко он от семьи а мы я была маленька я осенью родилася весной мне полгода было ездили по горам на конях убегали от этих от этих вот а оне тогда а бросили Ком у нас там бывают ну как посёлки далёко в горах один от одного деревни сказать расположились русские когда после того как оне при... прибежали русские а Алтай он живое место там много очень зверков всяких разных это пушнина называли мы белки там соболи всяки разны такие они наохотничают съездят в город они продадут хорошо советским продавали так оне зажили люди зажили хорошо опять и тут стала война но наши как-то бежали оне оне ко границе ближе были они побежали по горам как ко границе то эти дунганы враги подумали что побежали русские за границу в Россию и бросили бросили оне тогда поехали в... в этот в самый Чункур вот этот вот а русски там воюют на фронте с... с остальными а эти ше это въехали армия их шибко много было с

тылу зашли и прямо в деревню зашли зашли увидели человека там и сказали что не бойтесь все выходите вот на эту площадку посередь э деревни была площадка для школы была оставлена соберитесь мы вам поясним новая власть новый закон будет какой вы приходите вас никто не потрогат человек обошел всю деревню ну и собрались стары малые брюхатые больные и всяки разны и с детьми тогда оне окружили всех и начали а пики знаете какие что за пики эти на... на оружии такие и пиками колоть начали и всех всех всех покололи тут всех полбжили

Десять информантов получили задание расставить знаки препинания в этом тексте. В результате оказалось, что реакции информантов совпали лишь в тех редких случаях, когда выявлялась совершенно очевидная интонационная картина, в остальных же случаях наблюдался значительный разброс ответов.

Так, все информанты единодушно поставили точку в конце следующих высказываний: *И он служил в армии у царя Николая. Мой дедушка Фёдор Иванович Иванов. Иванов он был. 1907 года оне убежали. Китайцы приняли их очень хорошо, вежливо с ними обходились, всё. Сначала был Зенков какой-то русский губернатором, а потом мой дедушко был... И он тогда сговорил некоторых близких людей, надёжных, и убежали в Китай.* и др. Во всех этих случаях характер мелодического рисунка, оформляющего высказывания, не был единообразным.

Первый сегмент оформлен интонационным контуром ИК-1, с плавным понижением тона к концу высказывания. Это классический пример мелодического оформления завершенности (рис. 1).

На рис. 2 представлен сегмент *Иванов. Иванов он был.* Сегмент состоит из двух высказываний, каждое из которых оформлено с помощью мелодического контура ИК-1; кроме того, они разделены между собой и отделены от последующего повествования длительными паузами, так что у слушателей были все основания единодушно поставить точки в конце каждого высказывания. Однако характер двух мелодических рисунков различен (при общем восходяще-нисходящем движении тона): в первом подъеме начинается со среднего тона говорящего, достигает значительной высоты (около 200 Гц), затем опускается до нижнего уровня (80 Гц). И подъем, и спуск характеризуются большой крутизной. Во втором высказывании тон, оставаясь в пределах среднего регистра, характеризуется незначительным подъемом и плавным спадом, не достигающим нижнего уровня.

На рис. 3 – *вежливо с ними обходились всё* – мелодическая кривая имеет пословное оформление: каждое слово характеризуется восходящим контуром, а в заключительной части высказывания наблюдается нисходяще-восходящее движение тона в центре ИК при отсутствии постцентральной части, что позволяет считать этот контур ИК-4.

На рис. 4 приведена осциллограмма и интонограмма, оформляющие высказывание *И убежали в Китай*. Заключительная часть высказывания, где локализуется интонационный центр, наблюдается плавное повышение тона, достигающего значения в 250 Гц и затем слабое понижение в пределах того же регистра. Это позволяет определять этот контур как ИК-3.

Примечательно, что в двух последних случаях длительность пауз как будто бы не играла существенной роли: она могла быть как долгой (1000 мс и выше), так и средней (от 500 мс до 900 мс), и краткой (короче 500 мс). Поставив точки, все информанты таким способом выразили свое восприятие завершенности высказывания. Разновидности характера движения тона в заключительной части высказывания находятся в соответствии с наблюдениями интонологов о возможностях интонационного варьирования для выражения близких по смыслу речевых отрезков (см., например, [Брызгунова 1984: 8, 12]). Обращаясь к связи между интонацией и семантикой, О. Ф. Кривнова пишет: «...значимые просодические различия не соотносятся впрямую с синтаксическими характеристиками высказывания, а во многих случаях связаны с *тонкими смысловыми* (курсив наш – Р.К. и Л.К.), и даже можно сказать, «интимными» сторонами речи» [Кривнова 1998: 165]. Все эти наблюдения, а также полученные нами данные лишней раз помогают развенчанию мифа, долгое время существовавшего в интонологии о существовании так называемой «точковой» интонации.

Наблюдения над характером интонации и в частности результаты нашего небольшого эксперимента показывают, что точка может быть поставлена при самых разных интонационных оформлениях высказывания – в нашем случае их оказалось три: ИК-1, ИК-4, и даже ИК-3.

Все или большинство информантов (8–9) поставили запятые в следующих случаях: перед союзом *а* – *То дедушко был он далёко он от семьи, а мы...*; *Оне тогда поехали в этот в самый Чункур вот этот вот, а русски там воют на фронте...*; *Воют на фронте с*

остальными, а эти же это въехала армия...; перед союзом **что**: А как он почувствовал, увидел, **что** будет большой переворот...; Эти дунганы – враги подумали, **что** побежали русские за границу...; перед союзом **когда**: Как сказать, **когда** была война эта дунганская...; Деревни сказать расположились русские, **когда** после того как они прибежали...

При этом интонационные рисунки не были однообразными, здесь можно было видеть разные типы мелодических контуров; разными по длительности были и паузы. По-видимому, решающим критерием при выборе знака препинания был синтаксический: запятая ставилась перед союзом независимо от интонационного оформления и длительности паузы.

Такая же мотивация наблюдалась при постановке запятых при однородных членах предложения: здесь, по-видимому, действовали правила пунктуации, а не интонационные модели: *Бёлки там, собóлы рáзны такие; Побежали русски за границу, в Россию; И собрались стáры, мáлые, брюхáтые, больные, и вся́ки рáзны, и с детьми; И всех, всех, всех поколо́ли.*

Особый интерес представляли для нас случаи, когда мнения информантов кардинально расходились, т. е. при одном и том же мелодико-паузальном оформлении выбирались разные знаки препинания. В отрывке *они продадут хорошо́ | советским продавали* после слова *хорошо* была небольшая пауза, мелодическое оформление слова как ИК-1: предцентровая часть произносилась с повышением тона от среднего к средне-верхнему уровню, от начала гласного центра резкое понижение до тона ниже среднего, но с небольшим подъемом тона в завершении. Были поставлены следующие знаки: 2 точки, 2 запятые, 2 двоеточия, 2 точки с запятой и два пропуска (никаких знаков препинания). В конце отрывка *советским продавали* все информанты единодушно поставили точку; оформление этого сегмента ИК-2: согласный и гласный центра на среднем тоне, во второй части гласного понижение тона до уровня ниже среднего (см. рис. 5).

В заключении сегмента *в горах один от одного в деревне сказать* 3 информанта поставили точки, 3 – запятые, 3 не поставили никакого знака, 1 – многоточие. После этого отрывка следовала

длительная пауза (1200 мс), а мелодически сегмент был оформлен ИК-3, но с небольшим интервалом подъема тона от среднего уровня до верхне-среднего на гласном центра в слове *в деревне* и затем понижении тона до низкого в постцентральной части (рис. 6).

В трех случаях мнения auditors разделились поровну: половина из них поставила точки, другая половина – запятые. Это было особенно неожиданно, так как знак точки обычно выражает идею завершенности, а знак запятой – незавершенности. Это были следующие сегменты: *пушнина называли мы* – ИК-2 (рис. 7); *переворот или что-то такое* – ИК-3, но с небольшим интервалом подъема тона и понижением тона на постцентральной части до среднего уровня (рис. 8); *иногда стали съезды доставать свои* – ИК-3 с примерно таким же движением тона, но и с повышением тона в постцентральной части в конце фразы (рис. 9).

Во всех четырех последних случаях были представлены не «эталонные» реализации интонационных конструкций (см. [Брызгунова 1980]¹), а некие их модификации, что, возможно, и привело слушателей к полярному разделению мнений.

Однако в этой связи можно привести и другое соображение. В наше время наблюдается стирание, «размывание» ранее контрастных интонационных различий. Можно предположить, что общая неопределенность, зыбкость и отсутствие социальной стабильности отражается и на интонации.

Это положение в интонации коррелирует и с лексическим уровнем современной речи. В устной речи высокую частотность приобрело вводное слово *как бы*². Это наблюдение было нами проверено на записи интервью журналиста радио «Свобода» В. Бабурина с писателем Василем Быковым. Речь писателя, человека старшего поколения, свободна от вкраплений в нее «как бы» (в качестве вводного слова он иногда использует старое, «так сказать»), в то время как речь журналиста пестрит словечками «как бы». Ниже приводим отрывки из записи речи журналиста: *В моём уже как бы*

¹ Впрочем далеко не все интонуологи признают существование таких «эталонных» интонационных конструкций, см. [Оде 1995].

² Наше наблюдение совпало с мнением писательницы Г. Щербаковой, которая от имени своей героини тоже утверждает: «“Но” и “как бы” – ключевые слова нынешней жизни» (*Актриса и милиционер*).

понимании они **как бы** связаны друг с другом... **Как бы** мы сами себя покатали под уклон... Несмотря на то, что писателей **как бы** сейчас не слушают... Лукашенко они **как бы** своим человеком считают...

Кроме **как бы** могут употребляться и другие слова, отражающие стремление говорящего или пишущего ослабить категоричность высказывания. Вот отрывки (а их можно было бы привести во много раз больше) из книги известного современного искусствоведа Г. Г. Поспелова, где эти слова выделены нами: «Интересно, что при подобном внутреннем подходе к человеческой личности у Репина еще раз менялись и способы воспроизведения текущего мгновения. Психологическое состояние людей, изображенных изнутри как живые души, – всегда **как бы** проскальзывающий переход от одного состояния к другому. Это не остановленные мгновения, **как будто** выхваченные из потока жизни, как в большинстве, в особенности второстепенных, характеров «Крестного хода», но **словно** сама эта жизнь во всем обаянии ее неостанавливаемых изменений. И именно в этом потоке оттенков переживания и происходит восхождение души **как бы** во все более высокие сферы <...> Можно сказать, что все эти сферы чаемой цельности, **словно бы** не затрагиваемой историческим ходом, <...> образовывали в совокупности еще один временной масштаб искусства второй половины столетия <...>. Сквозь ощущения сиюсекундного текущего момента художники постоянно распознавали тогда очертания времени исторического, вовлекающего в свои движения несхожие между собой эпохи или человеческие фигуры, а сквозь него, в свою очередь, **как бы** свою собственную надежду или на исходную, или на идеальную стабильность жизни <...>. Конец столетия – еще один, третий этап переживания времени художниками XIX века. Он наследовал многое из того, что было принадлежностью 40-80-х годов, а кое в чем **как бы** возвращался и к более ранним традициям. У Чехова, например, **как будто бы** возрождалось стремление мерить время эпохами человеческой жизни <...>. В человеческих характерах или типах на рубеже веков можно наблюдать уже не взаимопроникновение ограниченно-типического и универсально-человеческого, но **как бы** *отторжение* типического начала в каждой отдельной личности. <...> Если в фигурах горьковских босяков уже преобладало ощущение освобожденности, романтической оголенности человеческого начала,

которое «на дне» социальной жизни способно иной раз выплескиваться **как бы** в своем обнаженном виде, то Художественный театр еще находился в начале такого пути <...>. В персонажах «На дне» на сцене МХТ ощущалось <...> двуединство подхода к ним как, с одной стороны, к фигурам, которые из-за своей злосчастной судьбы **как бы** выпали из социальной иерархии и потому способны подняться над ней в своем человеческом самоощущении, а с другой – опять как к типичным персонажам ночлежек, несущим на себе их каинovu печать. <...> Женщины Дузе принадлежали к разным общественным слоям и всегда имели конкретную причину страдания, однако сквозь эту конкретность всегда **как бы** пробивалась тоска души, закрепощенной в «плену условий», по освобождению из жизненного плена» [Поспелов 1997: 29–32].

Подводя итог, можно сказать, что восприятие синтаксического членения спонтанной речи не имеет одинакового характера у разных слушателей: совпадение в их синтаксических оценках весьма редки. Смыслы, передаваемые интонацией, настолько разнообразны, и отношения между оттенками этих смыслов настолько тонки, что система пунктуации оказывается слишком грубой для отражения этого смыслового многообразия.

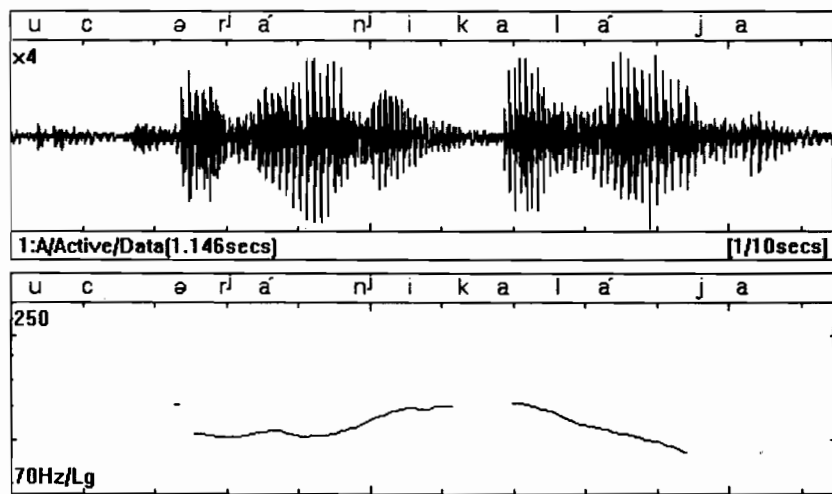

Рис. 1 (И он служил в армии) у *царя Николая*.

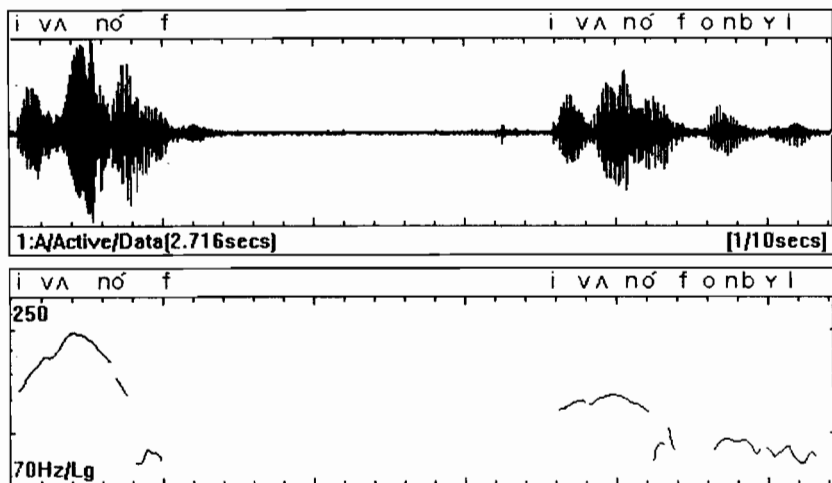

Рис. 2 Иванов. Иванов он был.

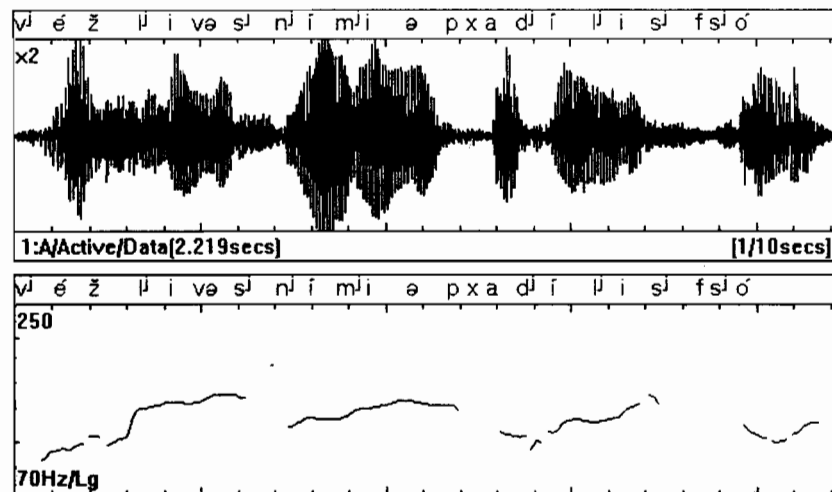

Рис. 3 (Китайцы приняли их очень хорошо,) вежливо с ними обходились всё

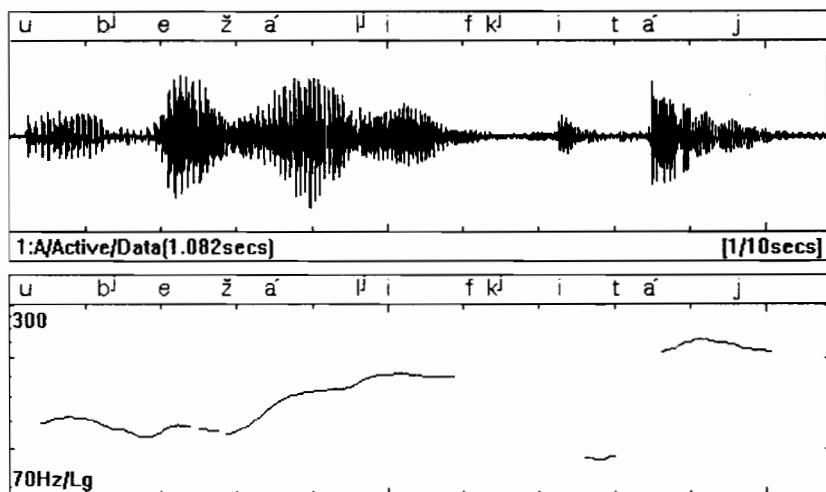

Рис 4 (Он тогда сговорил некоторых близких людей <...>, и) убежали в Китай.

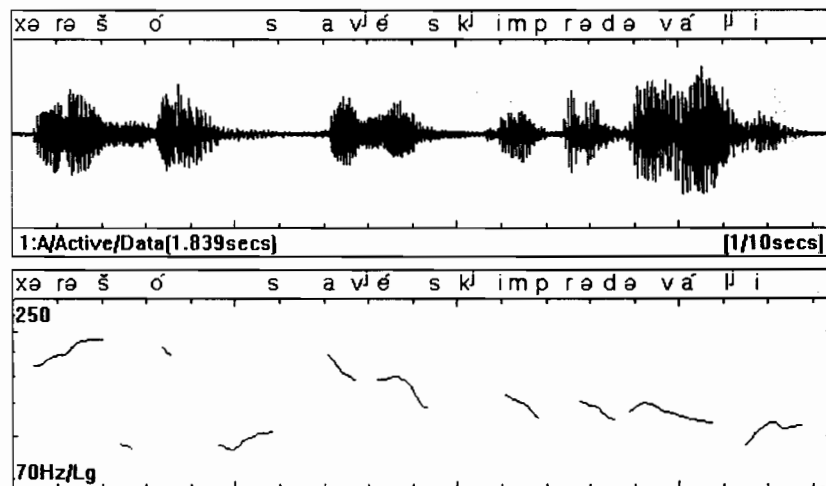

Рис 5 (Съездят в город они продадут,) хорошо советским продавали.

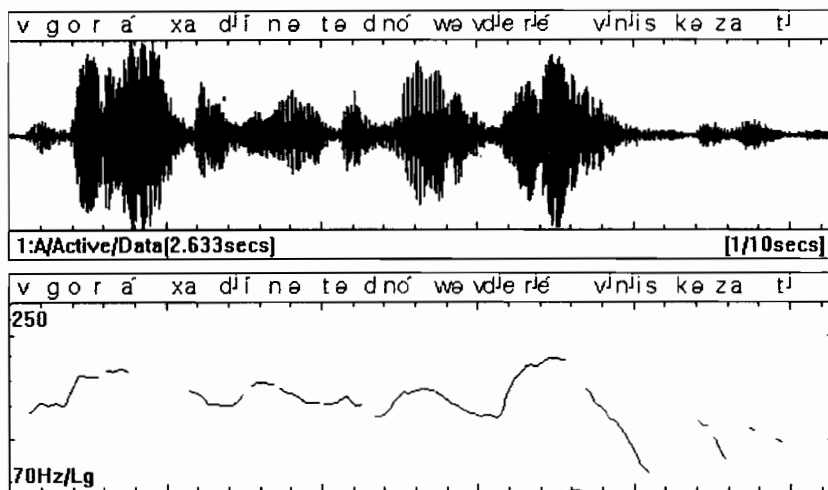

Рис 6 (посёлки далеко) *в горах один от одного, в деревне, сказать, (расположились русские)*

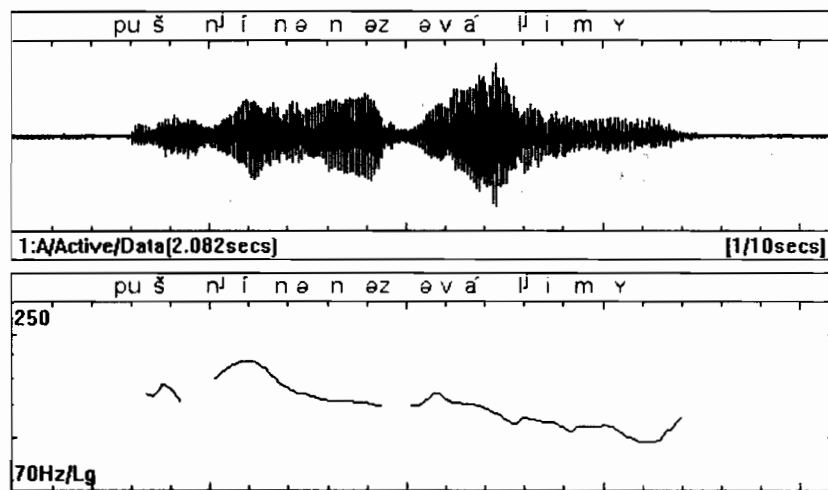

Рис. 7 *пушнина называли мы*

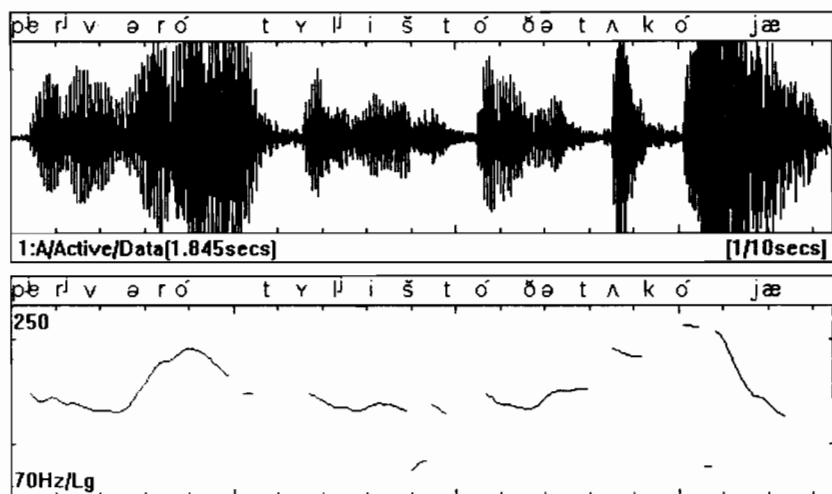

Рис. 8 (увидел, что будет большой) *переворот* или *что-то такое*

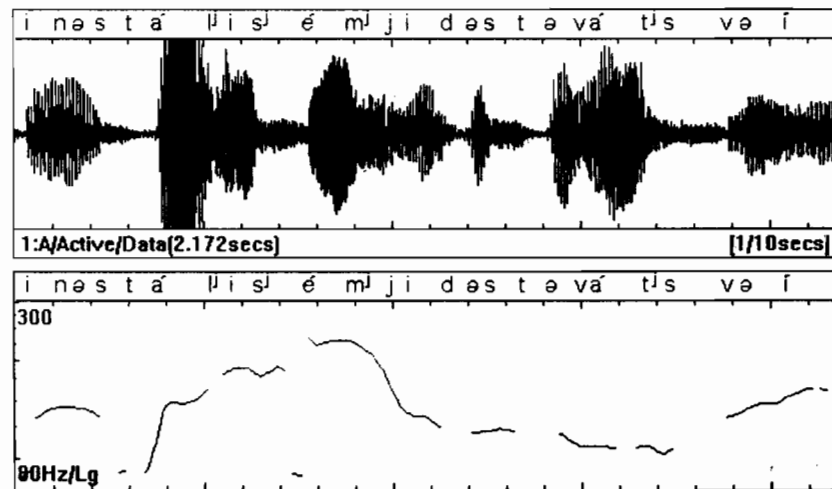

Рис. 9 *ино стали семьи доставать свои*

ЛИТЕРАТУРА

Брызгунова 1984: *Брызгунова Е. А.* Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984.

Брызгунова 1980: *Брызгунова Е. А.* Интонация // Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980. Т. I.

Кривнова 1995: *Кривнова О. Ф.* Перцептивная и смысловая значимость просодических швов в связном тексте // Проблемы фонетики. II / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 1995.

Кривнова 1998: *Кривнова О. Ф.* Снова о старом: проблемы анализа и моделирования интонации // Язык: изменчивость и постоянство. К 70-летию Л. Л. Касаткина / Отв. ред. М. Л. Каленчук. М., 1998.

Кривнова 1999: *Кривнова О. Ф.* Смысловая значимость просодических швов в тексте // Проблемы фонетики. III / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М., 1999.

Оде 1995: *Оде С.* Интонационная система русского языка в свете данных перцептивного анализа // Проблемы фонетики. II / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 1995.

Поспелов 1997: *Поспелов Г. Г.* Русское искусство XIX века: Вопросы понимания времени. М., 1997.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. И. Фужерон</i> . Внутрифразовые и межфразовые связи в свете теории <i>С. И. Карцевского</i>	3
<i>Т. М. Николаева</i> . Семантика межфразовых связей и/или грамматика сложного предложения.....	17
<i>В. С. Ефимова</i> . О союзе а в старославянских текстах.....	28
<i>С. Синьорини</i> . Особенности структуры «Исхождения Авраамия Суз- дальского» (список XVI–XVII вв.).....	41
<i>Р. Ф. Касаткина, Л. Л. Касаткин</i> . Межфразовые связи в тексте спон- танной речи.....	57

МЕЖФРАЗОВЫЕ СВЯЗИ:
КОДИРОВАНИЕ И ДЕКОДИРОВАНИЕ

Ответственный редактор
кандидат филологических наук В. С. Ефимова

Обложка М. И. Леньшиной

ИД № 01574 от 17 апреля 2000 г.

Подписано в печать 3 ноября 2000 г. Усл. печ. л. 4,5.
Тираж 300 экз. Заказ № 103. Цена договорная.
